

INSPIRIA

ПЕРВАЯ
СМЕРТЬ

Майлы

КОЛИН
ГУВЕР

INSPIRIA

Колин Гувер
Первая смерть Лайлы
Серия «Ток. Слишком
близко. Семейные триллеры»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65855777
Первая смерть Лайлы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-156352-3

Аннотация

Лидс убежден, что хочет провести с Лайлой всю жизнь. Но после несчастного случая, в результате которого Лайла оказывается в больнице, ее личность непостижимым образом меняется. Лидс видит в ней тревожные черты, но не может решиться разорвать с Лайлой отношения.

Он предлагает ей отправиться в гостиницу, где они впервые встретились, чтобы отдохнуть и освежить чувства.

Увы, с каждым днем Лайла кажется ему все более чужой. В то же время Лидс знакомится в гостинице с Уиллоу. Она называет себя призраком, и очень быстро завоевывает симпатию Лидса.

Кажется, Уиллоу знает о Лидсе очень много. Например, то, что из ныне живых знает только Лайла. Та самая Лайла, которая с каждым днем забывает все больше деталей из их жизни...

«Непредсказуемый, эмоционально напряженный роман». – *Publishers Weekly*

«Приправленный мистикой и элементами психологического триллера роман, исследующий, насколько быстро развивается подлинная любовь, а также конфликты, которые могут поставить под угрозу даже самые крепкие узы». – *Kirkus*

«Захватывающая паранормальная история». – *Buzzfeed*

Содержание

Дознание	6
1	9
2	38
Дознание	45
3	50
Дознание	64
4	70
5	85
6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Колин Гувер

Первая смерть Лайлы

© Селифонова С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Бекхэму. Ты будешь первым, кому я явлюсь после смерти. Ты такой смешной, когда пугаешься.

Сверхъестественное – это пока еще не понятное естественное.

Эльберт Хаббард

Дознание

Прежде чем сойти вниз, я заклеил рот Лайлы двумя слоями скотча, однако, когда детектив усаживается за стол, ее сдавленные крики все еще слышны.

У детектива старый магнитофон, вроде тех, что можно видеть в кино восьмидесятых – примерно десять дюймов в длину, шесть в высоту, на левой кнопке большой красный кружок. Детектив нажимает ее одновременно с кнопкой воспроизведения и сдвигает магнитофон в центр стола. Колесики кассеты начинают вращаться.

– Пожалуйста, назовите свое имя.

Я откашливаюсь.

– Лидс Гэбриел.

Крышка отсека для батареек кое-как примотана скотчем. Забавно. Столь допотопный прибор будет фиксировать каждое мое слово. Как будто это чему-то поможет!

Я уже на грани и близок к тому, чтобы сдаться. Не вижу света в конце тоннеля. И даже не уверен, что у этого тоннеля вообще есть конец.

Да и как можно выбраться, если ситуация совсем вышла из-под контроля? Я беседую с детективом, которого нашел по интернету, а моя девушка, черт возьми, тем временем сидит и сходит с ума!

Наверху возобновляются крики – Лайла будто прочитала

мои мысли. Деревянное изголовье кровати ударяется о стену, и по огромному пустому дому зловеще разносится эхо.

– Итак, – произносит детектив, – с чего вы хотите начать? – Похоже, он способен работать в любой обстановке, в отличие от меня. Я понимаю, что заставляю Лайлу страдать. Попробуй не обращать внимания! Любой доносящийся сверху звук заставляет меня вздрагивать. – Полагаю, с вашего знакомства?

Я медлю. Стоит ли отвечать на вопросы, если они не приведут к ответам? Однако в данный момент легче слушать собственный голос, чем приглушенные крики Лайлы.

– Мы познакомились прошлым летом в этом доме. Тогда здесь была гостиница. Номер плюс завтрак. Я играл на бас-гитаре в музыкальной группе. Нас пригласили выступить на свадьбе Аспен, сестры Лайлы.

Детектив откидывается на спинку стула и молча смотрит на меня. Я не знаю, что еще сказать. Или нужно конкретизировать?

– Какое отношение имеет наше знакомство к тому, что происходит в доме?

Он встряхивает головой, подается вперед и кладет руки на стол.

– Возможно, никакого. Но я приехал, чтобы докопаться до истины, Лидс. Зацепкой может стать что угодно. Я хочу, чтобы вы вернулись к самому первому дню. Как была одета Лайла? Почему вы с ней обратили внимание друг на друга?

Какими были ее первые слова? Кто-то из вас заметил в тот вечер в доме что-либо необычное? Чем больше информации вы мне предоставите, тем лучше. Невозможно обойтись без деталей.

Я опираюсь локтями о стол и закрываю уши ладонями, пытаюсь заглушить крики Лайлы. Невыносимо сознавать, что она в таком состоянии. Я очень люблю ее. И не понимаю, как можно вспоминать прошлое, говорить, почему я очень люблю ее, и одновременно заставлять страдать.

Стараюсь не думать, как чудесно все было вначале. Потому что, когда начинаю думать, лишний раз убеждаюсь – я, и только я несу ответственность за все, до чего мы дошли.

Закрываю глаза и мысленно возвращаюсь ко дню нашей встречи. Когда жизнь была проще. Когда мы пребывали в блаженном неведении...

– Она танцевала просто ужасно. Вот что привлекло меня в первую очередь...

Она танцует просто ужасно.

Вот что я замечаю в первую очередь со сцены, играя для постепенно редеющей публики. Похоже, девушка представления не имеет, куда деть руки. Топчется по лужайке и произвольно двигает босыми ногами, преднамеренно не попадая в такт плавной мелодии. Яростно встряхивает непослушными черными кудрями, словно в голове у нее звучит хеви-метал.

Самое забавное тут, что мы исполняем современное кантри. Да, примитивное современное кантри! Полный набор песен, которые невозможно слушать и еще более мучительно играть.

Наша группа называется «Гарретт-бэнд».

Именно так. «*Гарретт-бэнд*». Ничего лучшего Гарретту не пришло в голову.

Я – неофициальный четвертый участник группы, присоединился к ней последним. Играю на бас-гитаре. Не на каком-нибудь уважаемом контрабасе, а на электрогитаре. Недооцененный и незаметный инструмент, который обычно находится в руках у незаметного члена группы – того, который теряется на фоне других при исполнении любой песни. Впрочем, я совсем не против потеряться на фоне других. Возможно, потому и предпочитаю именно электриче-

скую бас-гитару.

После учебы в Белмонте я задался целью стать исполнителем собственных песен, однако с Гарреттом по этой части не сотрудничаю. Ему помощник не требуется. Мы с ним по-разному воспринимаем музыку. Так что я пишу песни для себя и откладываю их на будущее, когда решусь выпустить сольный альбом.

В последние несколько лет группа набрала популярность, и, хотя спрос на нас вырос и соответственно поднялась оплата, мой рейтинг в качестве бас-гитариста остался прежним. Я было подумывал завести разговор об этом с остальными участниками группы, но не уверен, стоит ли оно того – ребята больше нуждаются в деньгах, чем я. К тому же при обсуждении темы они могут предложить мне занять официальное место в группе, а я, честно говоря, настолько ненавижу эту музыку, что мне стыдно ее исполнять.

Каждое выступление забирает часть моей души. Буквально отщипывает по кусочку и съедает. Боюсь, что вскоре от меня не останется ничего, кроме телесной оболочки.

Откровенно говоря, сам не знаю, что меня удерживает. Никогда не планировал играть в группе долго, однако по какой-то причине не могу оторвать задницу от стула и начать жить своим умом. Отец умер, когда мне исполнилось восемнадцать, и вследствие того деньги никогда не были проблемой. Он оставил нам с матерью немалую страховку, а также фирму, занимающуюся проведением интернета, кото-

рая функционирует как часы; ее служащие предпочитают, чтобы я не вмешивался в работу и не старался ничего улучшить. Так что мы с мамой стоим в стороне и живем на прибыль.

Конечно, я благодарен судьбе, однако гордиться тут нечем. Если бы люди знали, как мало от меня требуется в жизни, меня бы никто не уважал. Может, потому я и не бросаю группу. Постоянные переезды, много работы, бессонные ночи... Лишь подобное самоистязание заставляет меня чувствовать, что я хоть отчасти заслуживаю кругленькую сумму на банковском счету.

Итак, я стою на сцене, на предназначенном мне месте, и смотрю на девушку, размышляя – она пьяна или под кайфом? А может, ее просто тошнит от нашей группы и она решила поиздеваться? Так или иначе, я ей благодарен. Самое большое развлечение за всю свадьбу. В какой-то момент даже ловлю себя на том, что улыбаюсь – а ведь такого со мной не случилось уже бог знает сколько времени. А я еще побавивался сюда приезжать.

Возможно, причиной тому атмосфера – уединенность места в сочетании с послесвадебным настроением. А возможно, тот факт, что на нас никто внимания не обращает, так как девяносто процентов гостей уже отчалили. Возможно, травинки в волосах девушки и платье в зеленых пятнах – раза три за песню она споткнулась и упала. Или виной всему полгода полной засухи на личном фронте после расставания с

бывшей.

В общем, комбинация всего этого и заставила меня в тот вечер сосредоточить внимание на девушке. И не удивительно – даже с расплывшимся по щекам макияжем и прилипшими ко лбу потными кудряшками она самая красивая на свадьбе. Странно, что ее обделили вниманием. Немногочисленные оставшиеся гости вместе с молодоженами собрались у бассейна. Моя плясунья единственная, кто нас еще слушает.

Мы доигрываем последнюю на сегодня композицию и начинаем собираться.

В глубине сцены я упаковываю гитару. Девушка кричит: «На бис!» Торопливо закрываю футляр. Черт возьми, может, успею найти ее после того, как мы погрузим инструменты в фургон!

Наша четверка забронировала два номера в гостинице. До Нэшвилла одиннадцать часов езды; неохота пускаться в дорогу на ночь глядя.

Гарретт закрывает дверь фургона. К нему подходит жених и приглашает всех нас выпить. Обычно я отказываюсь, но сегодня другое дело – плясунья должна быть где-то рядом. Она забавная. К тому же мне импонирует, что девушка не пыталась подпевать. Вряд ли меня привлекла бы та, которой всерьез нравится музыка Гарретта.

Я нахожу ее в бассейне. Она плавает на спине, по-прежнему одетая в платье подружки невесты – кремовое и в зе-

ленных пятнах от травы.

В бассейне она одна. Я беру пиво, иду к тому краю, где поглубже, разуваясь и, как был в джинсах, опускаю ноги в воду.

Постепенно волны с моего конца бассейна достигают девушки, но ее совсем не интересует, кто еще пришел искупаться. Уставилась в небо и покачивается на волнах — неподвижная, как бревно. Полный контраст той чудачке, которая совсем недавно устраивала бурное дурацкое представление.

Несколько минут я за ней наблюдаю. Вот вода поглощает тело девушки, и она полностью исчезает. Затем из воды показываются руки, а следом голова с плеском разрывает поверхность. Теперь девушка смотрит прямо на меня, словно знает, что все это время я был рядом.

Она держится на воде благодаря едва заметным движениям рук и ног. Расстояние между нами медленно сокращается; она уже совсем рядом, смотрит прямо мне в лицо. Луна у меня за спиной отражается в ее глазах двумя крошечными лампочками.

Со сцены девушка казалась мне просто красивой. С расстояния одного фута она выглядит самой прекрасной из всех, кого мне приходилось встречать. Надеюсь, я когда-нибудь коснусь этих пухлых розовых губ, изящной линии подбородка... Глаза зеленые, как трава вокруг бассейна. Так и тянет соскользнуть в воду, но в кармане телефон, а в руке недопитая банка пива.

– Ты смотрел на ютубе видео о людях, которые умирают изнутри? – спрашивает она.

Странный вопрос. Впрочем, на меня любые ее слова сейчас имели бы одинаковое воздействие. Ее голос ясный и чистый; слова покидают горло безо всякого усилия.

– Нет, – отвечаю я.

Она слегка запыхалась, стараясь удержаться на плаву.

– Там собраны разные ужасные ситуации, в которых оказывались люди. Камера фиксирует их лица в самый критический момент. Они смотрят на тебя так, словно уже мертвы внутренне. – Девушка обеими руками смахивает воду с ресниц. – Вот и ты сегодня так выглядел. Будто умираешь изнутри.

А я и не помню, чтобы она поглядывала на сцену, да еще и рассматривала меня – причем достаточно долго, чтобы безошибочно угадать, как я себя чувствую, вынужденный играть эти дерьмовые мелодии!

– Изнутри я уже давно умер. В первый вечер, когда начал играть в группе.

– Так я и подумала. Вот и пыталась тебя подбодрить. Тебе понравился мой танец?

Я отпиваю глоток пива и киваю.

– Сработало.

Она усмехается и на несколько секунд уходит под воду. Вынырнув, убирает волосы с лица и спрашивает:

– У тебя есть девушка?

– Нет.

– Парень?

– Нет.

– Жена?

Я качаю головой.

– Ну хоть друзья-то имеются?

– Настоящих нет, – признаюсь я.

– Братья, сестры?

– Я единственный ребенок в семье.

– Черт возьми, а ведь ты одинок.

Очередное меткое наблюдение. Хотя в моем случае одиночество – сознательный выбор.

– А кто для тебя самый главный человек в жизни? – спрашивает она. – Родители не в счет.

– Прямо сейчас?

– Да. Прямо сейчас. Кто для тебя самый главный человек в жизни?

Поразмыслив секунду над вопросом, я понимаю – кроме мамы, у меня никого нет. К ребятам из «Гарретт-бэнда» я отношусь прохладно, мы всего лишь коллеги. И поскольку родители не в счет, прямо сейчас эта девушка буквально единственный человек, до которого мне есть дело.

– Полагаю, ты.

Она прищуривается и наклоняет голову.

– Печалька. – Девушка упирается ступней в стенку бассейна прямо между моих ног и отталкивается от нее. – Тогда

я, пожалуй, скрашу твой вечер. – Она кокетливо улыбается.
Вот и приглашение.

Я принимаю его, положив телефон на бордюр рядом с опустевшей банкой пива. Снимаю рубашку. Девушка наблюдает, как я соскальзываю в воду.

Теперь наши глаза на одном уровне, и черт меня побери, если она не стала еще красивее!

Мы плаваем так, словно кружимся в медленном танце, стараясь не коснуться друг друга, – хотя совершенно очевидно, что оба этого хотим.

– Кто ты? – спрашивает она.

– Музыкант. Бас-гитарист.

Она хохочет. Смех совсем не такой, как голос – он резкий и отрывистый. И представляете, смех нравится мне даже больше.

– А зовут тебя как? – уточняет она вопрос.

– Лидс Гэбриел.

Мы по-прежнему кружимся рядом друг с другом. Она наклоняет голову, словно пробуя мое имя на вкус.

– Лидс Гэбриел. Имя для лидера. Почему ты играешь в чьей-то группе? – Похоже, она и не ожидает ответа, потому что продолжает спрашивать дальше: – Тебя нарекли в честь города в Англии?

– Ага. А тебя как зовут?

– Лайла, – шепотом произносит она, словно выдавая секрет.

Чудесное имя.

– Лайла, – говорит кто-то у меня за спиной, – открой рот.

Оборачиваюсь через плечо. Позади стоит невеста, держа что-то в вытянутой руке. Лайла подплывает к ней, высовывает язык, и невеста кладет на него крошечную белую таблетку. Лайла глотает ее. Понятия не имею, что это, но как, черт возьми, сексуально!

Она замечает, что я уставился ей в рот.

– Лидс тоже хочет. – Лайла тянет руку к невесте. Та выдает ей вторую таблетку и уходит. Не спрашиваю, что это. Мне все равно. Я так хочу ее, что, будь она Джульеттой, я готов прямо сейчас стать Ромео и принять любой яд, лишь бы она сама положила его мне на язык.

Открываю рот. Пальцы девушки влажные, и таблетка чаштично размокла, прежде чем попасть ко мне на язык. Она горькая и никак не лезет в горло без глотка воды, но я справляюсь – просто разжевываю.

– А кто был для тебя самым главным человеком в жизни вчера? – спрашивает Лайла. – Пока не появилась я?

– Я сам.

– Значит, я сбросила тебя с пьедестала?

– Пожалуй.

Она покачивается на воде безо всяких усилий, словно проводит в бассейне больше времени, чем на суше. Снова уставилась в небо, широко раскинув руки; грудь вздымается в такт глубокому дыханию.

Я упираюсь спиной в стенку бассейна, расставляю руки и вцепляюсь в бортик. Сердце колотится сильнее; кровь сгущается.

Не знаю, что она мне дала – наверное, экстази или другой тяжелый наркотик, но действует он быстро. Я ощущаю сейчас в основном свои грудь и живот и почти не воспринимаю другие части тела. Сердце словно увеличилось в размерах, и ему недостаточно места в грудной клетке.

Лайла по-прежнему покачивается на спине, однако ее лицо совсем рядом, прямо на уровне моей груди. Вот сейчас слегка наклонюсь и загорожу ей небо. Пусть смотрит на меня.

Черт возьми, какая классная дурь!

Мне хорошо. Я чувствую себя уверенно.

Вода вокруг нас совсем не колыхнется – как будто Лайла плавает в воздухе. Ее веки сомкнуты; и лишь легонько ткнувшись затылком о мою грудь, девушка открывает глаза. Ее лицо прямо под моим, повернутое на сто восемьдесят градусов. Похоже, она ждет от меня действий.

Ну что ж, приступим.

Я наклоняюсь так, чтобы мои губы оказались прямо напротив ее губ. И мы целуемся в перевернутой позиции. Я захватываю верхнюю губу девушки обеими своими губами – и чувствую легкий взрыв, от которого под каждым дюймом кожи детонируют скрытые минные поля. И это странно и ошеломляюще, ведь Лайла по-прежнему лежит на спине и

покачивается на воде. Я погружаю язык в ее рот, однако, сам не знаю почему, не ощущаю потребности коснуться девушки, и поэтому руки остаются там, где были – на бетонном бортике бассейна.

Руки Лайлы тоже раскинуты по сторонам, подвижны лишь губы и язык. Я благодарен за то, что наш первый поцелуй вышел перевернутым, потому что это, черт возьми, открывает такой простор для фантазии – предвкушаю, каким будет поцелуй в правильной позиции! Наверное, мне никогда больше не захочется целовать девушку без воздействия наркотика или чем там нас угостила невеста. Мое сердце с каждым ударом то сжимается до размеров сливы, то раздувается, как арбуз.

И стучит оно не так, как положено. Никаких тук-тук, тук-тук, тук-тук. Сначала отрывистое короткое «тюк», и следом сразу – БУХ!

Тюк – БУХ. Тюк – БУХ. Тюк – БУХ.

Больше не могу целоваться в перевернутой позиции! С ума сойти можно, наши губы не совпадают! А я хочу, чтобы совпали идеально!.. Беру Лайлу за талию, разворачиваю лицом к себе и притягиваю ближе. Она обвивает меня ногами, затем вынимает руки из воды, обхватывает мой затылок и вследствие того погружается немного глубже; теперь я – единственное, что держит ее над водой. Но мои руки заняты, они ласкают ее спину; поэтому мы вдвоем начинаем уходить под воду и не пытаемся этому противостоять. Меж-

ду нашими крепко стиснутыми губами не просачивается ни капли воды.

Мы опускаемся на дно бассейна, по-прежнему слитые в одно целое. И лишь там одновременно открываем глаза и разъединяемся, чтобы посмотреть друг на друга. Ее волосы развеваются над головой – ни дать ни взять затонувший ангел.

Жаль, нельзя сфотографировать.

Нас окутывают пузырьки воздуха. Пора на поверхность.

Я выныриваю двумя секундами раньше. Мы смотрим друг на друга, готовые повторить поцелуй. Сливаемся в той же позиции. Но едва я успеваю ощутить вкус хлорки на губах девушки, как нас прерывают одобрительные возгласы.

Среди прочих выделяется голос Гарретта. Наш поцелуй сорвал аплодисменты!.. Лайла оборачивается и показывает зрителям средний палец. Затем увлекает меня на другой конец бассейна.

– Пошли отсюда!

Она выскакивает из воды и подтягивается на руках с глубокой стороны бассейна, в пяти футах от лесенки. Затем перекачивается через бортик. Я следую за ней, и спустя несколько секунд мы скрываемся за углом, в более темном и уединенном месте. Трава у меня под ногами холодная и в то же время мягкая. Как лед... только расплавленный.

Наверное, это должно называться водой. Однако на воду не похоже. Именно расплавленный лед. *Под воздействием*

наркотиков вещи становятся труднообъяснимыми.

Лайла хватает мою руку и валится на траву... то есть на лед... увлекая меня за собой. Я падаю на нее, опираюсь на локти, чтобы девушка могла дышать, и на миг окидываю взглядом ее лицо. Ух ты, веснушки! Ими усеяна вся переносица, и еще на щеках несколько штук.

– Почему ты такая красивая? – Я обвожу веснушки пальцем.

Она смеется. Какой смысл отрицать банальные вещи?

Лайла перекатывает меня на спину, задирает свое платье и садится верхом. Мы оба вымокли, и бедра девушки липнут к моим. Я обхватываю ее ягодицы. Ощущения просто невероятные.

– Ты знаешь, почему это место называется «Корасон дель Пайс»?

Нет, не знаю. Просто мотаю головой. Надеюсь, история длинная и Лайла будет долго ее рассказывать... Так бы и слушал ее голос всю ночь. Кстати, в гостинице есть помещение, которое называют «Большой Зал», где каждая стена представляет из себя стеллаж, уставленный сотнями книг. Лайла могла бы читать для меня ночь напролет.

– Переводится как «Сердце страны», – продолжает она восторженно. Глаза сияют. – Участок земли, где ты лежишь, является точным географическим центром континентальных Соединенных Штатов.

Мне кажется, это бессмыслица. Может, потому, что сей-

час я сосредоточен на своем сердцебиении.

– Почему же? Разве сердце – центр тела? Центр тела – это желудок.

Она вновь заливисто хохочет.

– Ты прав. Вот только «эстомага дель пайс» звучит не очень красиво.

Ни фига себе!

– Ты знаешь французский?

– Вообще-то это испанский.

– Какая разница? Все равно круто.

– Я всего год учила язык в средней школе. Скрытых талантов не имею. Что видишь, то и есть.

– Сомневаюсь. – Я сдвигаю Лайлу с себя, перекатываюсь на девушку и прижимаю ее запястья к земле. – Танцуешь ты талантливо.

Она смеется. Я целую ее.

Наш поцелуй длится несколько минут.

Мы больше чем целуемся. Мы касаемся друг друга телами. Издаем стоны.

Размах ощущений небывалый, я словно балансирую на краю гибели. Сердце сейчас буквально разорвется. Наркотик плюс поцелуи – не слишком ли много одновременно? Еще секунда в ее объятиях, и я просто лишусь сознания. Из каждого нервного окончания вырастает по нескольку новых. Я воспринимаю все в удвоенном масштабе.

– Надо остановиться, – шепчу я, выпутываясь из ее ног. –

Что это было, черт возьми? Дышать не могу. – Перекатываюсь на спину, жадно глотая воздух.

– Ты спрашиваешь, что дала тебе моя сестра?

– Невеста – твоя сестра?

– Да. Ее зовут Аспен. На три года старше меня. – Лайла опирается на локти. – Ну и как? Понравилось?

– Еще бы!

– Хорошо действует, верно?

– Да, черт возьми!

– Аспен всегда дает мне эти таблетки, если я слишком много выпью. – Она склоняется ко мне и шепчет прямо в ухо: – Называется аспирин. – Отстранившись, видит замешательство на моем лице и ухмыляется. – А ты думал, мы кайф словили?

Я вскакиваю. *А с чего же я себя так чувствовал?*

– Не может быть!

Она падает на спину в приступе хохота и размашисто крестится.

– Богом клянусь, аспирин! – От смеха Лайла начинает икать. Наконец успокаивается и вздыхает. Как она упоительно вздыхает!.. Тьфу, неужели это я сказал «упоительно»?

Лайла смотрит на меня с ласковой улыбкой.

– Лидс, тебя развезло не от наркотиков.

Она встает и направляется ко входу в дом. Я вновь следую за ней, потому что если это в самом деле аспирин, то я пропал.

А ведь я и правда пропал.

До сих пор не случалось, чтобы кто-то заставил меня почувствовать такую эйфорию без приема внутрь определенных веществ.

В доме Лайла идет не в спальню, а в Большой Зал – тот самый, где много книг и кабинетный рояль. Когда мы оказываемся в зале, она запирает дверь изнутри. Наша одежда вымокла, и по полу тянутся следы.

Я оборачиваюсь и смотрю на Лайлу. Она изучает лужицу воды у меня под ногами.

– Здесь старые полы. Нужно их уважать. – Она через голову снимает платье и вот уже стоит в полутемной комнате, в пяти шагах от меня, в бюстгальтере и трусиках. Белье из разных комплектов – бюстгальтер белый, трусики зеленые с черным. Мне импонирует ее пренебрежение тем, что надето под платьем. Я люблю фигуристым телом и восхищаюсь – Лайла не старается скрыть от меня свои формы.

Моя предыдущая девушка фигурой могла сравниться с супермоделью, однако всегда была недовольна собой. И это лишь одна из ее особенностей, которые меня раздражали. Какая разница, насколько ты красива, если неуверенность в себе – самая вопиющая черта твоего характера?

А вот Лайла преподносит себя так, что выглядит привлекательной в любых обстоятельствах.

Я принимаю ее предложение – сбрасываю джинсы и остаюсь в трусах-боксерах. Лайла подбирает нашу одежду и кла-

дет на ковер – вероятно, более ценный, чем пол, но ее это почему-то не заботит.

Я окидываю взглядом помещение. У стены рядом с роялем стоит потертый кожаный диван. Хочется бросить на него Лайлу, потонуть в ней... Однако у девушки другие планы.

Она придвигает банкетку, усаживается за рояль и трогает несколько клавиш.

– Ты петь умеешь?

– Да.

– А почему на сцене не поешь?

– Гарретт не предлагает.

– Гарретт? Лидер группы?

– Да.

– Такой же ужасный, как его стихи?

Ну, рассмешила! Мотаю головой и подсаживаюсь на банкетку.

– Он, конечно, ужасный, но не настолько. Тексты хуже.

Она нажимает среднее до.

– Он ревнует?

– С какой радости? Я всего лишь бас-гитарист.

– У него нет таланта лидера. А у тебя есть.

– Не имеет значения. Лидер может быть бесталанный, но когда он выходит на сцену, остальные теряются на заднем плане.

– Точно так же, как толпа теряется на заднем плане, когда ты танцуешь?

– Я была *единственной*, кто танцевал.

– Да ну? А я и не заметил.

Она приближает ко мне лицо, и я ожидаю поцелуя, но вместо этого Лайла шепчет мне в губы:

– Сыграй для меня что-нибудь. – Она перебирается на диван и ложится на него. – Что-нибудь достойное этого рояля.

Скрещивает ноги и свешивает руку с дивана. Проводит пальцами по доскам паркета, ожидая, когда я начну играть. А я не могу оторвать от нее взгляд. Есть ли на свете другая женщина, которая могла бы заставить меня смотреть на себя не мигая, до рези в глазах?

– А вдруг тебе моя музыка не понравится? Ты все равно позволишь мне целовать тебя?

Она нежно улыбается.

– Песни что-то значат для тебя?

– Я вкладываю в них частицу своей души.

– Тогда беспокоиться не о чем.

Я поворачиваюсь к роялю и на миг застываю в нерешительности. Никогда раньше не исполнял музыку для кого-то. Единственный человек, для которого хотелось бы петь свои песни, – мой отец; однако его давно нет в живых. Смерть отца – одна из главных причин, по которой я их написал.

Никогда не нервничал, играя со сцены песни Гарретта, но сейчас все по-другому. Моя песня очень личная, и хотя слушает лишь один человек, я чувствую себя так, будто еще никогда не выступал перед такой взыскательной публикой.

Набираю в легкие воздух и медленно выдыхаю его, одновременно начиная играть.

Я с той ночи не верю в небо,
Что мне Бог, если он жесток?
Ну а ты?
Я отказываюсь молиться,
Я колени не преклоню.
Как же ты?
Я закрыл все окна и двери,
Я смотрел во тьму до зари.
Где же ты?
Счастье — дом, тишина и книги.
Помнишь, как ты читал их вслух
Для меня?
Я с той ночи не верю сказкам.
Для кого они, если Бог
Взял тебя?
Я с той ночи больше
Не верю...
Больше
Не верю...
Все закончилось.
Я не верю...
Я больше не верю.
Все закончилось.
Все.

Я заканчиваю играть и кладу руки на колени, не решаясь

сразу обернуться и взглянуть на девушку. Последняя нота отзвучала; зал погрузился в тишину, которая поглотила все звуки в доме. Даже дыхания Лайлы не слышно.

Я закрываю крышку рояля и медленно разворачиваюсь на банкетке. Лайла смотрит в потолок, вытирая глаза.

– Вот это да, – шепотом произносит она. – Не ожидала. Меня будто в грудь ударили.

Точно такие же ощущения я испытал, когда сегодня впервые увидел ее.

– Мне понравилась концовка. – Она садится и поджимает под себя ноги. – Оборванные прямо в середине фразы. Безупречно. Мощно.

Я не был уверен, что она сможет понять смысл концовки; то, что она его поняла, приводит меня в еще больший восторг.

– Где можно найти эту песню? На «Спотифай»?

Я качаю головой.

– Ничего из своего творчества я в Сеть не выкладывал.

Она с удивлением смотрит на меня и хлопает рукой по дивану.

– Почему? Черт возьми, как же так?

Я пожимаю плечами.

– Может, потому, что в Нэшвилле каждый корчит из себя звезду. А я не хочу им подражать.

Она встает и направляется ко мне. Надавливая на плечи, пока я не прислоняюсь спиной к роялю, и садится верхом

мне на колени, упираясь в банкетку. Берет мое лицо в ладони и прищуривается.

– Эгоистично с твоей стороны держать песни при себе. Лучше быть бескорыстной звездой, чем никому не известным эгоистом.

Я рад, что встретил такую девушку.

Я реально этому рад.

Я кладу ладонь ей на затылок, прижимаю ее губы к своим. Не понимаю, что происходит. Не помню, когда в последний раз девушка нравилась мне настолько, чтобы думать, где она будет завтра.

Кстати... а где Лайла будет завтра?

Где она была вчера?

Какой дом она называет своим?

Где она выросла?

И кто для нее прямо сейчас самый главный человек в жизни?

Я хочу знать.

Лайла прерывает поцелуй.

– Аспен увидела сегодня, как я на тебя смотрю, и говорит: «Обещай мне держаться подальше от музыкантов. А вдруг у них хламидиоз?»

– И ты пообещала ей держаться от меня подальше? – смеюсь я.

– Нет. Я ей ответила: «Ну и пусть хламидиоз. У него, наверное, и презервативы есть».

– У меня нет хламидиоза. Но презервативов тоже нет.

Она отлепляется от меня и встает.

– Все в порядке. У меня в номере есть.

Поворачивается и идет к двери.

Я подбираю нашу мокрую одежду и тоже выхожу из зала.

Мы поднимаемся по лестнице. Она не приглашает меня к себе в номер явно, но я полагаю, ожидает, что я последую за ней, потому что продолжает разговор.

– Я давно этим не занималась. И презервативы с собой только потому, что на девичнике их раздавали как сувениры для гостей. – Лайла останавливается на ступеньке и поворачивается ко мне. – Не догадывалась, что в реальном мире так сложно перепихнуться. В колледже даже усилий прилагать не надо было, зато после... тьфу! – Она идет дальше и открывает дверь в номер; я не отстаю. – После колледжа проблема с сексом в том, что я ненавижу свидания. Напрасная трата времени. Посвящать парню целый вечер, когда уже через пять минут ясно, что с ним ничего не выйдет.

Я с ней согласен. Сам предпочитаю ничего не скрывать. Чтобы девушка зацепила с первого взгляда, а потом просто плыть по течению.

Не знаю, может ли Лайла стать такой девушкой, но когда мы опустились на дно бассейна, я понял, что вполне возможно. У нас был самый страстный поцелуй на моей памяти.

Лайла берет у меня нашу мокрую одежду, относит в ванную и бросает в душевую кабину. А на обратном пути заяв-

ляет:

– Тебе нужно уйти из «Гарретт-бэнда».

Такой непредсказуемой личности я еще не встречал! Как скажет что-нибудь – так хоть стой, хоть падай!

– Почему?

– Потому что там ты несчастен.

Она права.

– А ты? Как зарабатываешь на жизнь? – спрашиваю я по пути к кровати.

– Я сейчас без работы. На прошлой неделе уволили.

Лайла садится на постель и прислоняется спиной к изголовью. Я кладу голову на подушку и смотрю на девушку. Мое лицо рядом с ее бедром. Необычно и в то же время сексуально. Я касаюсь губами ее кожи.

– И за что?

– Не хотели отпускать на свадьбу Аспен, а я взяла и прогуляла. – Она перебирается на другой конец кровати и теперь сидит зеркально мне. – Твои боксеры еще сырые. Может, снимем оставшееся?

Она торопит события. Мне нравится.

Хватаю ее за талию и укладываю на себя. Наши тела идеально ложатся друг на друга, и она ахает от восторга. Я выше ростом, и лицо девушки не достает до моего, но мне хочется поцеловать ее. Наверно, ей тоже, потому что она ползет вверх по моему телу, пока не добирается до губ.

Одежды на нас обоих осталось совсем немного; через

несколько секунд мы уже лежим под одеялом обнаженные и почти упустили момент, когда нужно позаботиться о презервативе. Но я ее не знаю, а она не знает меня, поэтому приходится ждать, пока она разыщет в темноте сумочку, нашарит в ней презерватив и вручит мне. Я натягиваю его под одеялом.

– Пожалуй, ты права.

– Насчет чего?

Я перекаत्याюсь на нее. Она раскидывает ноги и устраивает меня поудобнее.

– Я должен уйти из группы.

Она кивает.

– Ты будешь счастливее, если станешь исполнять собственную музыку. Пусть даже ничего не заработаешь. – Она торопливо целует меня и отстраняется. – Найди работу, которая тебе не противна. А в свободное время записывай свою музыку. Лучше быть бедным и состоявшимся, чем... чем бедным и пустым. Хотела сказать «богатым и пустым», однако вряд ли ты богат. Иначе зачем тебе играть в той группе?

Мне хочется возразить, что я не беден, вот только слегка неловко признаваться, что состою в группе добровольно, а не по необходимости. Лучше уж промолчать.

– Если судьбой тебе предназначено быть бедным, то уж лучше бедным и счастливым.

Она права. Я целую ее шею, затем грудь. Потом снова приближаю свои губы к ее губам.

– Думаю, я рад, что встретил тебя.

Она чуть отстраняется, улыбаясь.

– Думаешь? Или в самом деле рад?

– В самом деле. Я очень рад, что встретил *тебя*.

Она проводит пальцем по моим губам.

– И я очень рада, что встретила *тебя*.

Мы вновь целуемся, в ленивом предвкушении удовольствия – впереди целая ночь, спешить некуда... Однако презерватив надет, и Лайла уже направляет меня.

Я не тороплю время. Я наслаждаюсь им.

Похоже, цена каждой минуты многократно возрастает, если эту минуту я провожу рядом с ней.

Она лежит на животе, а мои пальцы путешествуют вдоль ее позвоночника. Добираюсь до шеи, запускаю пальцы в волосы и начинаю гладить затылок.

– Прямо убила бы за один тако!¹

Никогда мне так сильно не хотелось проникнуть в мозг девушки, как сейчас. Разум Лайлы устроен иначе, чем у других. Между умом и языком никакого барьера; сознание не предупреждает ее, что слово не воробей, вылетит – не поймает. Способна брякнуть что угодно и не испытывать угрызений совести. Даже если слова ранят.

До этой ночи я не подозревал, что искренность может быть так бесчеловечна – и так сексуальна.

Несколько минут назад я сказал Лайле, что лучшего сек-

¹ Тако – мексиканское блюдо. Представляет из себя кукурузную лепешку с заварнутой в нее разнообразной начинкой. – *Здесь и далее прим. пер.*

са, чем с ней, у меня никогда не было. Надеялся, она вернет комплимент, а она просто улыбнулась и заявила:

– Нам всегда так кажется в момент страсти. А потом появляется кто-то другой, и мы забываем, как хорошо было прежде. Цикл повторяется.

Я рассмеялся, полагая, что она шутит. Но Лайла говорила всерьез. Затем, поразмыслив, я понял – она права. Я потерял невинность в пятнадцать лет. Тогда казалось, что ничего более прекрасного мне никогда не испытать. Однако в семнадцать появилась Виктория Джаред и подарила самый лучший в жизни секс. Ее сменила Сара Киснер; затем девушка, которая прокралась ко мне в спальню на первом курсе; потом еще две или три. И наконец, Сэйбл. Всякий раз после секса я думал, что лучше и быть не может. Хотя, вероятно, каждый новый секс был всего лишь таким же хорошим, как предыдущий.

Ни одна из тех девушек не может сравниться с Лайлой.

– Ты верующий? – спрашивает она.

Мысли Лайлы так же хаотичны и экспрессивны, как и ее поступки. Наверное, этим она меня и заинтриговала. Только что лежала на спине, впивалась ногтями в мои плечи и выкрикивала мое имя, в следующую минуту переворачивается на живот и стонет, что жить не может без тако, а еще спустя мгновение забывает о тако и желает знать, верующий ли я. Большинство людей предсказуемы. А у Лайлы каждое слово и каждый поступок словно сюрприз в подарочной упаковке.

– Я неверующий. А ты?

Она пожимает плечами.

– Я верю в жизнь после смерти, но религиозной себя не считаю.

– По-моему, сам факт нашего существования – просто счастливый случай. Мы приходим в этот мир на время, а затем покидаем его.

– Тоска зеленая.

– Ничего подобного. Представь себе рай. Беспредельный позитив, улыбки, никто не грешит. Только подумай – вечно жить на одном месте среди множества других людей, которые целыми днями выкрикивают вдохновляющие цитаты... Это намного более тоскливо, чем осознавать, что все закончится смертью.

– Не верится мне именно в такой вид «жизни после жизни». Для меня существование больше похоже на последовательность реальностей. Может, рай – всего лишь одна из них. А может, и нет.

– Что за реальности?

Лайла перекачивается на бок, и мой взгляд упирается в ее соски. Однако она не пытается заставить меня поддерживать с ней зрительный контакт. Вместо того ложится на спину и кладет мою голову себе на грудь. Я беру в ладонь один из сосков. Лайла продолжает, небрежно перебирая пряди моих волос:

– Вот представь себе: материнская утроба – это одна ре-

альность. Когда мы были эмбрионами, то не помнили жизни до того, как там оказались, и понятия не имели, есть ли жизнь после. Мы ничего не знали, кроме этой утробы. Затем мы родились – покинули матку и попали в *текущую* реальность. Теперь мы не можем помнить, как находились в утробе *до* этой жизни, и не имеем представления, что будет после. А когда наша жизнь закончится, мы снова окажемся в совершенно другой реальности и там можем не вспомнить о реальности текущей. Точно так же, как не можем воскресить в памяти пребывание в матке. Это просто разные миры. Один сменяет другой, а тот, в свою очередь, сменяется следующим. О некоторых из реальностей мы наверняка знаем, что они существуют. О других можем только догадываться. Возможно, есть такие, которых мы даже вообразить не в состоянии. Их бесконечно много. И в действительности мы вообще никогда не умираем.

Что ж, вполне разумное объяснение. А может, я соглашаюсь лишь потому, что у меня во рту сосок Лайлы? Я обдумываю ее теорию и одновременно нашариваю свежий презерватив. Вот что для меня более насущно, чем жемчужные врата или кипящая сера.

Смерть есть смерть, а жизнь есть жизнь. Тут меня не переубедить.

– Допустим, ты права... Все равно мне больше нравится эта реальность, – бормочу я, накрывая Лайлу своим телом.

Лайла раздвигает ноги и улыбается мне в губы.

– Потому что сейчас ты в ней.

Я мотаю головой и захожу.

– Нет. Потому что сейчас я в тебе.

Я уже несколько минут смотрю на Лайлу, надеясь, что она не проснется прямо сейчас. Ее рука, тяжелая во сне, лежит на моей груди. Стараюсь оттянуть момент пробуждения, потому что знаю, что такое быть мужчиной на одну ночь. Я по этой части специалист. Из многих постелей приходилось выскальзывать украдкой, а вот из этой – не хочу.

Надеюсь, и Лайла не хочет, чтобы я по-тихому улизнул.

Она вот-вот проснется. Наверное, прикроет глаза от солнца и повернется на бок, пытаясь вспомнить, как мы здесь оказались. Кто я. И как от меня отделаться.

Первыми пробуждаются ее пальцы. Она проводит ими вдоль моего плеча, обвивает шею и, не открывая глаз, притягивает меня к себе, чтобы уткнуться в грудь.

Я чувствую облегчение от того, что Лайла меня узнала – проснулась и сразу поняла, где и с кем находится, и не попыталась отпрянуть.

– Сколько времени? – спрашивает она. С утра ее голос совсем не такой певучий, как вчера. Зато этот хриплый шепот почему-то кажется даже сексуальнее.

– Одиннадцать.

Она смотрит на меня. Веки отекли; ресницы слиплись от туши.

– А ты знаешь, что одиннадцать утра самое опасное время

суток?

Ну насмешила!

– Научный факт?

Она кивает.

– Я в колледже узнала. Большая часть смертей приходится именно на позднее утро.

Вот ведь горячая штучка! То, что мне нравится.

– Ты такая необыкновенная...

– Хочешь принять со мной душ?

– Да, черт возьми! – улыбаюсь я.

Я полагал, в душ мы пойдем не затем, чтобы помыться, но Лайла пригласила меня туда именно для этого. В буквальном смысле.

Я втираю кондиционер ей в волосы и задаю вопросы, которые никогда не задал бы девушке после единственной проведенной вместе ночи. Мне хочется узнать о Лайле как можно больше.

– У тебя есть братья или сестры, кроме Аспен?

– Нет.

– Ты любишь ее?

– А как же! Ужасно люблю. Правда, мужа она себе выбрала... совершенно не в моем вкусе. Конечно, главное, чтобы ей нравился. – Лайла оглядывается на меня через плечо. – Знаешь, как его зовут?

– Нет. И как же?

– Чед Кайл.

– Да неужели? – шепотом спрашиваю я.

– Я не шучу. Его настоящее имя.

– Оно ему соответствует или несчастному просто не повезло?

– К несчастью, соответствует. Он совершенно типичный Чед. Стандартный представитель общества: членство в загородном клубе, пикап на четверть тонны и пес по кличке Бо.

– Теперь ясно, почему ему нравится «Гарретт-бэнд». – Я снимаю душевую лейку с держателя и начинаю споласкивать ей волосы. Мокрые, они свисают ниже лопаток. Никогда раньше не мыл девушкам волосы. Надо сказать, этот процесс возбуждает. Вот, например, форма головы Лайлы: она идеально совпадает с моей ладонью. – А твоя голова сексуальная.

– Как голова может быть сексуальной?

Я прикрываю ей глаза свободной рукой, чтобы мыло не попало.

– Не знаю. Сексуальная, и все. Может, просто потому, что она твоя. – Я вешаю лейку на держатель. Лайла поворачивается, и я привлекаю ее к себе, омываемый потоком горячей воды. – Мне понравилась прошлая ночь.

– Мне тоже, – улыбается она.

– Через полчаса наша группа уезжает.

– Я тоже уезжаю.

– Где ты живешь?

– В Чикаго. Причем с родителями. Вернулась к ним после колледжа. Пока еще не решила, куда двинусь дальше. В Чикаго совершенно точно не останусь.

– И чем тебе Чикаго не угодил?

– Всем угодил. Просто не хочу жить там, где выросла. Хочу испытать весь спектр. Большой город, маленький город, квартира в кондоминиуме, хижина в лесу... – Она выкручивает волосы, чтобы отжать оставшуюся воду. – А где ты живешь? В Нэшвилле?

– Неподалеку. В Нэшвилле дорого, к тому же я не хочу делить квартиру с соседями. Снимаю жилье во Франклине. А если твоя семья из Чикаго, почему сестра устроила свадьбу в центре Канзаса?

– Чед Кайл из Уичито. – Она обвивает руками мою талию, оглядывает меня и вздыхает. – Ты не представляешь, как тебе повезло родиться мужчиной! Когда мужчина помоеется, он остается каким был. Может, даже чуть сексуальнее. А вот женщин душ меняет. Волосы прилизаны, макияж растекся по щекам, тональный крем смыло в канализацию...

Лайла, стоящая сейчас передо мной, радикально отличается от той девушки, с которой я познакомился на свадьбе. Если уж на то пошло, сегодняшняя версия лучше. Стоит, обнаженная, под струями воды, обвивает меня руками. И эта версия мне ужасно нравится. Наклоняюсь, целую ее шею и обхватываю руками ягодицы.

Она наклоняет голову, чтобы мне было удобнее дотянуть-

ся до ее шеи.

– А из меня могла бы выйти неплохая селянка. Здесь чудесно. Представляю, какое счастье быть хозяйкой такой гостиницы!

На короткий миг я забываю, о чем мы говорили только что – у Лайлы мысли движутся по двум дорожкам одновременно. К счастью, одна из дорожек – я. Лайла прислоняется к стене; мои руки и губы блуждают по ее телу.

– Мне правда здесь нравится, – негромко произносит она. – Люблю уединение. Тишину. Никаких соседей. Только случайные заезжие гости, с которыми даже знакомиться не нужно.

Мой язык скользит по ее шее и забирается в рот. Я глубоко и порывисто целую девушку, а затем отстраняюсь.

– Здесь сердце страны. Лучшего места нет на целом свете.

Я говорю то, что думаю. Прямо сейчас для меня на целом свете нет лучшего места. Лайла снова тянется к моим губам, и когда раздается стук в дверь, мы даже не вздрагиваем. Нам сейчас не до того.

– Лайла! – слышится голос Аспен.

Лайла издает стон, однако поцелуй не прерывает. Аспен принимается колотить в дверь без перерыва.

– Лайла, открой!

Она вздыхает, и я отпускаю ее. Она заворачивается в полотенце и выходит, прикрыв за собой дверь. Я ощущаю мучительную пустоту в животе.

Нельзя вот так взять и расстаться! Хотя бы еще денек! Еще раз поговорить, вместе принять душ... Уже предчувствую тоску, которая охватит меня по дороге в Теннесси.

Я выключаю воду и беру полотенце. Лайла впустила Аспен в комнату; из ванной слышно каждое слово.

– Значит, ты спала с бас-гитаристом?

– Это кого-то интересует?

– Меня.

– В таком случае да. Два раза. Успела бы и в третий, только ты помешала.

Меня разбирает смех.

– Его друзья разыскивают. Им пора уезжать.

– Через пару минут спускаемся.

Дверь комнаты вновь открывается, затем Аспен произносит:

– Мама в курсе. Она подслушала, как кто-то сказал: «Он кувыркается с сестрой невесты».

Я замираю как вкопанный. Как можно было не подумать? Это же свадьба, вся семья в сборе. *Вот черт! Неужели мы вели себя так громко?*

– Мне двадцать два года. И мне плевать, что мама в курсе.

– Я тебя предупредила, – отвечает сестра. – Мы улетаем на Гавайи. Пришлю сообщение, когда приземлимся.

– Приятного отдыха, миссис Кайл!

Дверь хлопает, и я вылетаю из ванной. Лайла оборачивается, ее полотенце соскальзывает на пол. Она подбирает его,

и я разглядываю девушку в полный рост. Она так непринужденно сексуальна.

Я ударяю кулаком по дверному косяку.

– Давай останемся!

Слова вырвались непроизвольно, однако мое предложение вполне серьезно.

– Где? Здесь?

– Да. Нужно спросить, можно ли сохранить за собой номер еще на одну ночь.

Выражение ее лица мне нравится – словно рассматривает идею со всех сторон.

– Твои друзья уезжают. Ты говорил, завтра очередное выступление.

– Мы вчера решили, я ухожу из группы.

– Ого. Я думала, решение не окончательное.

Я подхожу к ней и дергаю за край полотенца, затянутого на груди. Оно падает на пол. Мои губы касаются губ Лайлы. Она улыбается и повисает на мне. И я ощущаю, что и она совершенно не хочет уезжать. Страшное чувство тоски, уже поселившееся в моей груди, мгновенно растворяется.

– О'кей, – шепчет Лайла.

Дознание

Я проговорил полчаса без перерыва, а детектив еще ни слова не вымолвил. Нужно продолжать, однако Лайла все это время не унималась. Я должен убедиться, что она в порядке.

Во всяком случае, настолько, насколько может быть в порядке девушка, насильственно удерживаемая своим бой-френдом.

– Простите, – я отодвигаю стул, – отлучусь на пару минут. Детектив понимающе кивает и останавливает запись.

Поднимаюсь по лестнице – снова! – умолять Лайлу довериться мне, пока я не получу ответы. Открываю дверь. Она стоит на коленях, изо всех сил стараясь освободиться от веревок, которыми ее запястья привязаны к столбикам кровати.

– Лайла, – униженно прошу я, – прекрати, пожалуйста!

Она натягивает веревки в противоположных направлениях, пытаясь их порвать. Я содрогаюсь. Ей же больно! Подхожу к кровати, осматриваю руки девушки. Кожа на запястьях содрана, раны начинают кровоточить.

Лайла мычит что-то нечленораздельное, и я сдираю скотч с ее рта.

Она жадно втягивает в себя воздух.

– Пожалуйста, развяжи меня! – Глаза несчастные и налитые кровью. По левой щеке стекает тушь. Видеть Лайлу та-

кой выше моих сил. Не хочу мучить ее, однако другого выхода нет. Во всяком случае, я его не вижу.

– Не могу. И ты знаешь почему.

– Пожалуйста, – умоляет она. – Мне больно.

– Если перестанешь дергаться, больно не будет. – Яправляю подушку и немного ослабляю веревки, чтобы она могла лечь. Понимаю: Лайла чувствует себя пленницей. В некотором смысле так оно и есть. Хотя ноги я ей не связал. Если будет лежать спокойно и прекратит попытки вырваться, то ничем себе не навредит. Сможет даже передохнуть немного. – Просто дай мне несколько часов. Я закончу говорить с ним, и мы с тобой вместе спустимся вниз.

Она закатывает глаза.

– Лжешь. Ты только и делаешь, что лжешь мне.

Я не позволяю ее словам растопить сердце. Понимаю, она не это имела в виду. Она просто напугана. И не владеет собой.

Как и я.

Наклоняюсь и целую ее в макушку. Лайла пытается отодвинуться, но веревки не дают. Теперь она плачет, стараясь не смотреть на меня. Я стискиваю зубы. Нельзя показывать свою вину.

– Если пообещаешь не кричать, рот заклеивать не буду.

На этот компромисс она соглашается. Обреченно кивает, признавая свое поражение, будто позволила мне выиграть один раунд. Однако для меня выигрышем станет только воз-

вращение к нормальному состоянию.

Когда я запираю спальню, изнутри доносятся рыдания. Ощущаю муку девушки каждой клеточкой своего тела – до хруста в костях. И прежде чем сойти вниз, на несколько секунд прижимаюсь подбородком к двери, заставляя себя вернуть самообладание.

Возвращаюсь на кухню. Передо мной на столе стоит бокал с темной жидкостью. Детектив показывает на него жестом.

– Бурбон.

Я сажусь, втягиваю в себя аромат напитка и делаю глоток, с наслаждением ощущая, как алкоголь обжигает горло и мгновенно успокаивает нервы. И почему я сам не догадался выпить до начала разговора?

– Как вас зовут? – спрашиваю я. Мне известен только адрес электронной почты, по которому мы с ним общались, адрес для деловой переписки.

Детектив опускает взгляд на свою рубашку – униформа автосервиса «*Jiffy Lube*», вся в масляных пятнах. К ней приколот бейджик с именем «Рэндалл».

– Рэндалл, – указывает он на бейджик и вновь нажимает кнопку записи.

Мы оба знаем, что никакой он не Рэндалл, да и рубашка не его. Тем не менее, хотя мужчина явно не стремится к откровенности, сам я по-прежнему готов выложить ему все, потому что он, наверное, единственный человек на свете, который сможет нам помочь.

А я уже отчаялся найти такого человека.

Настолько отчаялся, что принимаю весьма сомнительные решения.

Занятно – вот до какой степени могут изменить систему взглядов человека вещи, которым в нашем мире нет объяснения. Да, черт возьми, они изменили не только мою систему взглядов, но и мои нормы поведения. Мои ценности. Мои основные интересы. Мое сердце.

Тот Лидс Гэбриел, каким я был пару месяцев назад, захлопнул бы дверь перед носом этого мужчины. А теперь я сам обратился к нему и умоляю о помощи. И вот он здесь. Однако я могу лишь надеяться, что решение принято верное.

– Вы надолго задержались в гостинице после знакомства? – спрашивает он.

– На три дня.

– Что-нибудь примечательное за это время случилось?

– Не припомню. Мы из номера почти не выходили. Только за едой спускались. В середине недели в гостинице относительно затишье.

– А затем вы вернулись в Теннесси, а Лайла в Чикаго?

– Нет. Даже проведя четыре дня вместе, мы не были готовы расстаться. Я пригласил ее на неделю к себе в Теннесси. Неделя растянулась на две, потом на шесть, а затем и на восемь. Мы не хотели разлучаться.

– И как долго вы вместе на сегодняшний день?

– Восемь месяцев.

– Произошли ли в вашей жизни значительные изменения после встречи с Лайлой? Кроме очевидных?

Я предпринимаю вялую попытку рассмеяться.

– Смотря что вы понимаете под «очевидными изменениями». Изменилось много чего.

– Очевидное – это все, что творится в этом доме. А что изменилось ранее?

Я снова отхлебываю бурбон.

А затем приканчиваю его одним глотком.

Тупо смотрю на дно пустого бокала и думаю обо всем, что с нами произошло. Совместное фото, которое я выложил в Сеть, трагические последствия, затянувшееся выздоровление.

– В первые два месяца все было отлично.

– А потом?

Вопрос вызывает у меня тяжкий вздох.

– А потом случилась Сэйбл.

– Кто такая Сэйбл?

– Моя бывшая.

Я запихиваю в рюкзак джинсы. Лайла лежит на моей кровати, читает журнал.

– Зарядку для телефона не забыл?

– Не забыл.

– Зубная паста и щетка?

– Вот.

– Тебе нужно взять какую-нибудь книгу, – предлагает она. – Поездка долгая.

– У меня нет ни одной книги.

Лайла поднимает глаза к потолку, роняет журнал на грудь и корчит рожу, будто я ее оскорбил.

– Лидс! Доказано, что те, кто читает, живут дольше. Или ты решил умереть молодым?

Не мозги, а извращенная версия википедии!

– Разумеется, я имею привычку читать. Просто читаю я в телефоне. А путешествую налегке.

Она поднимает бровь.

– Ложь. И какую книгу ты читал последней?

– «Признания опасного человека».

– О чем книга? Кто автор? – Она довольно улыбается, словно ей удалось завалить меня на экзамене.

– Имя не помню. В семидесятых он вел «Гонг-шоу». – Опускаю рюкзак на пол и берусь за телефон. Вчера вечером

я его отключил и только теперь заряжаю. Лайла оперлась на локоть и наблюдает за мной, пока грузится приложение. Я сажусь на кровать и открываю книгу в «Киндле».

– Чак Бэррис. Он еще запустил на телевидении «Игру молodoженов».

– Автобиография?

– Похоже, да. Парень утверждает, что работал на ЦРУ в качестве наемного убийцы. Вообще-то я еще не дочитал.

– Ведущий «Гонг-шоу» был наемным убийцей?

– Некоторые полагают, что он лжет. Вот почему я решил сам прочитать.

– Ух ты! Сексуально.

– Ты считаешь, наемные убийцы сексуальны?

Она мотает головой.

– Нет. Сам факт, что ты читаешь – это сексуально. – Она вновь берется за журнал. – Ты сексуальный. Ты пишешь песни. Ты любишь читать. Только вот, черт, готовить не умеешь.

Я в шутку пинаю ее и шлепаю по мягкому месту. Лайла хохочет и переворачивается на спину.

– Я серьезно. Даже сэндвич не можешь сделать, не испортив.

– А ты у меня на что?

Она закатывает глаза. Я утыкаюсь в телефон. Надо проверить пропущенные сообщения за те двенадцать часов, что он был выключен.

Первое – от Гарретта, по поводу того, где и когда мы се-

годня встречаемся.

Я так и не покинул группу. После того как мы с Лайлой съехали из гостиницы, Гарретт как ни в чем не бывало написал мне, словно я и не пропустил два концерта подряд из-за девушки, с которой только что познакомился: «Ну, твой отпуск закончился? Вечером выступаем, ты нам нужен».

В тот день у меня не оказалось достаточно убедительной причины, чтобы не явиться, а присутствие Лайлы на концерте помогло не испытать обычного страха. Тогда, несколько недель назад, я все еще чувствовал себя мертвым изнутри, стоя на сцене, однако в других частях моего тела жизнь поддерживала Лайла.

Когда дело касается любви, я не циник, однако я состоял в отношениях всего несколько раз. Я решил, что любовь настигнет меня годам к сорока, когда я устану от перемены мест и от жизни. И вину за свое мировоззрение возлагаю на Джерри Сайнфелда².

Я подсел на сериал «Сайнфелд» в пятнадцать лет и вынес оттуда убеждение, что Джерри прав – в каждом человеке на земле найдутся раздражающие черты. Настолько раздражающие, что завязывать с ним отношения будет сродни пытке. Став свидетелем всех обреченных на неудачу романов Джерри, я начал выискивать в людях наиболее противные качества. То, как они смеются, как обращаются к офици-

² «Сайнфелд» – комедийный сериал о злоключениях невротика, в котором комик Джерри Сайнфелд играет самого себя.

антам, какие фильмы и музыку предпочитают, каких друзей выбирают. А еще их родители... И, едва начав встречаться с девушкой, я уже прикидывал, каким образом с ней удобнее расстаться.

До того, как в моей жизни появилась Лайла.

Мы провели в «Корасон дель Пайс» еще три ночи. И даже после того я был не готов к расставанию. Я не находил в ней ни одной раздражающей черты. Напротив, мысль об одиночестве казалась более ужасной, чем перспектива остаться с Лайлой. Такое было впервые.

Я уговорил ее поехать со мной на неделю во Франклин, но вот прошло уже два месяца; я не думал, что у меня за всю жизнь будет столько секса, сколько его было за это время. Когда мы не трахаемся, я исполняю для Лайлы свою музыку или пишу песни. Теперь мне есть для кого их сочинять.

Она верит, что я добьюсь известности – настолько, что я и сам начинаю верить в себя.

Можно сказать, Лайла выкрутила мне руки. Три недели назад под ее натиском я наконец выложил в Сеть несколько песен, которые до того держал при себе. А еще неделю спустя Лайла сняла исполнение одной из них на видео и разместила на ютубе. Ролик набрал уже почти десять тысяч просмотров.

Выходит, просто здорово, когда в жизни появляется человек, который дает понять, что твое искусство найдет своих ценителей. Хотя мне вполне достаточно, если Лайла пока единственная, кто его ценит.

Гарретт в осадок выпадет, если я официально порву с ним и начну сольную карьеру.

Лайла присутствует на каждом концерте, и не важно, насколько они мучительны для нас обоих. К счастью, она сопровождает заключительную композицию своим экстравагантным свадебным танцем. По крайней мере, я теперь заканчиваю выступления в хорошем настроении.

Я люблю ее.

Думаю, что люблю.

Нет. В самом деле люблю.

Люблю в ней все: самодостаточность, эксцентричность, энергию. Люблю ее тело и минет в ее исполнении. Люблю ее непосредственность, ее уверенность во мне. Люблю смотреть, как она спит и как просыпается.

Пожалуй, это и есть любовь.

Сейчас всего пять вечера, отъезд назначен через два часа. Я заставил себя подняться с кровати, чтобы собрать вещи. «Гарретт-бэнд» участвует в пляжном фестивале в Майами, и мы с Лайлой провели в постели весь день, чтобы насладиться друг другом впрок на предстоящие три дня разлуки. Это первое выступление после нашего знакомства, на котором не будет Лайлы. В фургоне мы возим инструменты, и места для пассажиров не очень много, да и сама идея провести три дня с Гарреттом и остальными ребятами ее не привлекает. А я не хочу заставлять ее терпеть мучения.

Сегодняшний день стал для меня лучшим из дней, прове-

денных с Лайлой. Проснувшись утром, мы даже телефоны не стали включать. Мы потушили свет и задернули шторы; Лайла была у меня и на завтрак, и на обед.

Сейчас на прикроватном столике горит лампа – Лайла листает журнал.

Открываю инстаграм и... Ох, лучше бы мне вообще не включать телефон! Я не заглядывал на свою страничку с вечера, когда выложил наше совместное фото. Впервые в жизни запостил себя вместе с девушкой. Разумеется, в постели. Лайла уснула на моей груди, и в тот момент мне стало так хорошо, что я взял телефон, сделал фото и выложил в Сеть. Без подписи.

Я приобрел почти тысячу новых подписчиков после того, как познакомился с Лайлой и выложил в интернет несколько композиций, но даже теперь их общее количество не превышает пяти тысяч. Ну не может быть от жалких пяти тысяч человек такой бурной реакции на снимок! Честно говоря, я вообще не ожидал никакой реакции.

В большинстве случаев нас поздравляют; впрочем, есть и комменты от девушек, которые придираются к Лайле. К счастью, я хоть тег не поставил. Будет ужасно, если Лайла прочитает их высказывания.

Чем дальше я пролистываю комменты и личные сообщения, тем сильнее меня подмывает удалить аккаунт. Знаю, что если в будущем наступит момент, когда я смогу оплачивать счета своей музыкой, то непременно буду благодарен каж-

дому из своих подписчиков. Однако сейчас меня бросает в дрожь при чтении комментов типа «Твоя подружка похожа на шлюху» и «Ты выглядишь сексуальнее, когда один».

Интернет – чертовски жестокая штука. Я начинаю нервничать – как оставить Лайлу на три дня? Не думаю, что она уже видела фото, так что не утруждаю себя подчисткой негативных комментов. Просто удаляю весь пост и кладу телефон на столик экраном вниз.

– Как ты? Сможешь пожить одна?

Она опускает журнал себе на грудь.

– А что? Хочешь меня бросить?

– Нет! Конечно нет!

– Уверен?

– Уверен.

– Мы знакомы два месяца и даже ни разу передышку друг от друга не устроили. Ты, наверное, устал от меня.

Если бы она знала, насколько я от нее *не устал!*

А ведь Лайла понятия не имеет, как я на самом деле к ней отношусь. Я никогда с ней об этом не говорил. Всячески показываю, но вслух не произношу.

Вывожу у нее журнал и сбрасываю на пол, потом забираюсь на кровать и нависаю над ней. Мне нравится, как она смотрит на меня, когда знает, что сейчас я ее поцелую. Вся светится от предвкушения. Нет ничего лучшего, чем осознавать, как сильно девушка жаждет твоих прикосновений.

– Лайла! – шепчу я. – Я ничуть от тебя не устал. Я тебя люблю.

Я произношу эти слова как бы между прочим, но смысл сказанного доходит до Лайлы уже секунды через две. Она закрывает лицо обеими руками. Впервые вижу ее смущенной. Целую одну из ладоней. Лайла отрывает руки от лица и подпирает голову кулаками.

– Я тоже люблю тебя.

Я немедленно накрываю ее губы своими. Так бы и проглотил эти слова! Воображаю их напечатанными шрифтом «Ариал»: они медленно плавают внутри меня, отскакивают рикошетом от телесной оболочки, беспрестанно изгибаясь и перекручиваясь – в животе, в груди, в руках и ногах, пока не обходят все части моего тела.

– Ну, вот и чудесно. Мы любим друг друга, ты остаешься здесь и ждешь меня. По-моему, теперь мы официально живем вместе.

– Ух! Наверное, надо сообщить родителям, что я от них наконец съехала.

– Ты не была дома со свадьбы сестры. Думаю, они уже догадались.

Она обвивает руками мою шею.

– Слишком много для одного дня. Мы признались друг другу в любви, мы решили жить вместе... и мы официально объявили об этом в инстаграме.

Последние слова Лайла произносит как бы в шутку, но у

меня екает в животе. Она видела фото!

– Ты заходила в инстаграм?

Ее улыбка постепенно гаснет, и я понимаю, что и комменты она тоже читала.

– Да.

– Не переживай, я все удалил.

– Удалил? Зачем? Мне по барабану.

– А вот я, кажется, не готов к тому, чтобы незнакомые мне люди выкладывали свое мнение о нас.

– Ты для них не являешься реальным человеком. Это же соцсети! – Она целует меня и игриво добавляет: – Сам виноват. Такой сексуальный, просто ужас.

Я с облегчением выдыхаю. Очевидно, Лайла не приняла комменты на свой счет.

– Наверное, больше не стоит выкладывать совместные фото. Не хочу, чтобы они вычислили твой аккаунт. Чего доброго, начнут и тебя доставать.

– Поздно, – смеется Лайла. – Ты подписался на тридцать человек, и я одна из них. Они меня уже нашли.

Я скатываюсь с нее и резко сажусь на постели.

– Что значит – уже нашли?

– Пока меня нашла всего одна девушка. Не могу вспомнить имя... Соня? Сибил? – с напускным безразличием произносит она, но я понимаю, о ком речь.

– Сэйбл?

Лайла поднимает палец и подмигивает.

– Точно. Сэйбл. Вообще-то я ее уже заблокировала.

Я не слышал о Сэйбл с тех пор, как сам ее заблокировал – за несколько месяцев до знакомства с Лайлой. Тот факт, что она продолжает отслеживать мои посты, подтверждает мои худшие опасения.

– И что она написала?

– Не знаю. Утром включаю телефон, а там от нее больше двадцати сообщений. Я прочитала два из них, велела ей идти лесом и заблокировала. – Лайла склоняется надо мной и взбирается пальцами вверх по ноге. – Ты с ней спал? – хихикает она.

С самого начала нашего знакомства я ни разу не обманывал Лайлу. Не чувствовал необходимости. Потому что знаю – она никогда никого не осуждает.

– Мы встречались пару месяцев. Я очень быстро понял, что наши отношения были ошибкой.

Лайла хохочет, словно услышала что-то забавное.

– Надо же! У нее другое мнение. Она полагает, что ошибка – это я.

Ошибкой была Сэйбл. Но я не хочу говорить о ней ничего такого, что может напугать Лайлу. Сама Сэйбл, безусловно, вызывала беспокойство. Правда, мне потребовалось несколько недель, чтобы это понять. Сперва я думал, что мы познакомились случайно; однако затем Гарретт просветил меня – еще за год до нашей встречи Сэйбл организовала мой фан-клуб. Я высказал ей в лицо все, что думаю, и

после того дела приняли иной оборот. Я пытался прекратить с ней всякие отношения, она не желала этого признавать. Сначала непрерывные телефонные звонки. Эсэмэски. Голосовые сообщения. Потом Сэйбл начала приходить на наши выступления, требуя, чтобы я дал ей еще один шанс.

Гарретт и остальные ребята называли ее «чокнутая Сэйбл».

В конце концов однажды нам пришлось просить охрану вывести Сэйбл из зала – за несколько дней до того, как я заблокировал ее в телефоне и в соцсетях. Аккаунт, который она использовала для моего фан-клуба, я тоже заблокировал.

Вся эта история кажется нелепой. Однако Сэйбл неадекватна. И меня реально беспокоит, что она где-то рядом, заходит на мою страничку и преследует девушку, с которой я делаю совместные фото.

– Такие, как Сэйбл, заставляют меня усомниться – а хочу ли я вообще стать публичным человеком? Надо ли стремиться к известности, если я ненавижу все, что к ней прилагается?

Теперь Лайла забирается на меня.

– Увы, без присутствия в интернете у тебя никак не получится продавать музыку. А психи идут в комплекте с успехом. – Она целует кончик моего носа. – Вот прославишься и заработаешь достаточно денег, чтобы нанять кого-то отгонять троллей. Тогда не придется иметь с ними дела самому.

– Хороший стимул, – отвечаю я. Впрочем, у меня и сей-

час достаточно денег, чтобы нанять кого-то вести аккаунты в соцсетях. Мы с Лайлой до сих пор не обсуждали мои финансовые возможности. Она по-прежнему считает меня голодным музыкантом, однако все равно любит так, словно я могу подарить ей мир. Как же приятно сознавать, что тебя любят за то, какой ты есть, а не за то, сколько ты стоишь!

– Самый хороший стимул для тебя – это я! – смеется Лайла. – Вот потому ты меня и любишь.

– Вот потому я тебя так сильно и люблю. – Мы целуемся. Однако теперь я встревожен.

Сперва Лайла мне просто нравилась. Она притягивала меня; тревога никак не вязалась с этим чувством. А в последние недели я начал всерьез беспокоиться.

Тревога – вот в чем единственное отличие между тем, когда девушка тебе нравится, и тем, когда ты эту девушку любишь.

Нужно ли говорить ей, чтобы проявляла осторожность во время моего отсутствия, потому что теперь я беспокоюсь еще больше? Я был бы рад, если бы она без меня никому не открывала дверь. А еще лучше – вообще удалила свои аккаунты из соцсетей. Но Лайла взрослая женщина, и я предпочитаю помалкивать.

Не знаю, отчего мне так не по себе – ведь сейчас, по существу, я ничего из себя не представляю. Неофициальный фанклуб и пять тысяч подписчиков... Да кто я вообще такой? Пара комментов в Сети от горстки фанатов – было бы от че-

го волноваться сверхзаботливому бойфренду! К тому же я установил в квартире сигнализацию и включу ее на время своего отсутствия. На всякий случай, для самоуспокоения.

– Через два часа встреча с Гарреттом. До того надо принять душ и собрать вещи.

Лайла целует меня и соскакивает с постели.

– Я разогрею в духовке замороженную лазанью, чтобы ты поел до отъезда. Как насчет чесночного хлеба?

– Положительно.

Она прикрывает дверь спальни, а я неохотно направляюсь в ванную.

Может, завести собаку? Сторожевую. Например, немецкую овчарку. Тогда мне будет спокойнее оставлять Лайлу одну.

Я включаю воду, снимаю футболку и начинаю расстегивать джинсы. В этот момент раздается стук. Вообще-то мы с Гарреттом договорились встретиться у него дома. *Наверное, не вытерпел, сам пришел.*

– Открою сам! – кричу я из ванной. После тех комментариев мне и правда не хочется, чтобы Лайла подходила к двери. К тому же Сэйбл знает, где я живу; она спала в моей постели.

– Уже открыла! – кричит в ответ Лайла.

Я хватаю футболку и снова надеваю ее через голову, когда снаружи доносится какой-то щелчок – будто хлопушка сработала.

У меня леденеет кровь – кажется, что сосуды лопнут, как

стекло, стоит мне пошевелиться. Однако я заставляю себя сдвинуться с места и выбегаю из ванной.

На выходе из спальни вновь слышу щелчок.

Распахиваю дверь, и... Та, которую я люблю, та, для которой живу и дышу, лежит без движения на полу в гостиной. Под ней лужа крови. Голова, волосы тоже в крови... Я падаю на колени, приподнимаю ее голову.

– Лайла!

В следующий миг мое плечо пронзает острая боль.

Дальше все как в тумане.

Может, это кошмарный сон?

Все закончилось...

Я не верю...

Я не...

Дознание

Детектив молчит.

В доме тихо. Слишком тихо.

Я бы выпил еще бурбона. Мужчина, словно догадавшись, встает и идет за бутылкой. Ставит ее на стол и придвигает ко мне.

– И что произошло потом?

Я пожимаю плечами и отпиваю из бокала.

– Она выжила.

– А кто стрелял? Сэйбл?

Я стискиваю зубы и киваю.

– Да. Из-за одного долбаного поста в инстаграме.

Стараюсь отвечать короткими рублеными фразами. Думаю, по выражению лица нетрудно понять – я хочу скорее покончить с этим разговором.

– Сэйбл арестовали?

Я мотаю головой.

– Нет.

Мужчина смотрит на меня так, словно требует более подробного отчета о том вечере. Я бы и не против, только не сейчас. Я все еще сам пытаюсь осмыслить то, что привело к трагедии – сначала полностью переварить и лишь потом выложить все начистоту.

– Честно говоря, не хочу обсуждать это сейчас. Не потому,

что считаю несущественным. Мне просто... – Я упираюсь в столешницу и встаю. – Мне просто нужно еще раз взглянуть на Лайлу. – От долгой беседы у меня пересохло в горле. Детектив останавливает запись, и я отправляюсь наверх.

На середине лестницы прислоняюсь к стене и закрываю глаза. В голове по-прежнему не укладывается все происходящее, хотя я варюсь в этом уже несколько недель.

Нужно какое-то время, чтобы переключиться с того, что я поведал о Лайле детективу, на то, что скажу ей сейчас.

Спустя несколько долгих секунд я отталкиваюсь от стены и иду в спальню. Поворачиваю ключ и медленно открываю дверь, надеясь, что Лайла спит. Однако она не спит. Хотя, по крайней мере, лежит спокойно – уже хорошо.

– Хочу пить, – без выражения произносит она.

Беру стакан воды со столика и жду, пока она сядет. Я достаточно ослабил узлы, чтобы Лайла могла хоть немного поворачиваться, однако она опять морщится от боли, – веревки трутся о запястья. Она наклоняется вперед, чтобы дотянуться губами до стакана, делает несколько глотков и в изнеможении падает на подушку.

– Тебе нужно поесть. Скажи, что хочешь, и я принесу.

Лайла с отвращением смотрит на меня.

– Лидс, я не знаю, чего хочу. Трудно заглянуть в холодильник, когда ты привязана к кровати.

Ее реплика полоснула меня по коже с легкостью острого скальпеля. Злость Лайлы усиливает чувство вины – за то, что

я насильно удерживаю девушку, – однако даже вместе эти две эмоции не в состоянии пробить брешь и достучаться до моей совести.

– Я сделаю тебе сэндвич.

– А может, развяжешь меня и я сама справлюсь?

Спускаюсь на кухню, чтобы приготовить сэндвич. Индейка и сыр чеддер, без лука, двойная порция томатов. Пока я занят, с детективом не разговариваю. У меня есть к нему вопросы, но они подождут. Сперва хочу рассказать все, что мне известно.

Возвращаюсь в спальню с сэндвичем и пакетиком «Читос». Еще я принес Лайле бокал вина. Ставлю его на столик и предупреждаю:

– Я развяжу веревки, чтобы ты смогла поесть. Сбежать не пытайся. Все равно ничего не выйдет.

Она кивает. Судя по страху в глазах, не хочет заново пережить ужасный опыт. Я уже начинаю верить – Лайлу так напугало то, чем закончилась прошлая попытка побега, что ее и привязывать не нужно. Сомневаюсь, что она вообще покинет спальню – даже по своей воле.

К несчастью, я не вправе рисковать. Лайла нужна мне здесь.

Я развязываю веревки. Она растирает руки. Мне тяжело видеть ее страдания, поэтому стараюсь сесть позади. Пока Лайла ест, массирую ее плечи, чтобы снять напряжение. Она немного откусывает от сэндвича, затем подбирает с тарелки

упавшие листик салата и ломтик помидора, запихивает в рот и облизывает пальцы. Похоже, наслаждается едой. А ведь когда-то посмеивалась над моими кулинарными способностями.

– Раньше тебе мои сэндвичи не нравились.

– Люди меняются, – пожимает она плечами, продолжая жевать. – Ты в свое время тоже был любящим и не держал меня в заложницах.

Ну вот и приплыли.

Плечи девушки несколько расслабляются. Я оставляю ее одну и иду в ванную. Уверен, что Уиллоу не выпустит Лайлу, если та вновь решится на побег. Достаю из шкафчика аптечку и, дождавшись, пока Лайла прожует сэндвич и запьет вином, наношу на запястья антисептическую мазь. Аптечку я купил на заправке по пути в гостиницу, всего несколько недель назад. Эх, знать бы заранее, для чего она пригодится...

Какое-то время мы молчим. Чем быстрее она поест, тем лучше. Я хочу разделаться с вопросами, чтобы наконец перейти к ответам.

Когда Лайла заканчивает, я обматываю ей запястья эластичным бинтом, чтобы облегчить боль.

– Привязать тебя к другой стороне кровати, чтобы ты могла лечь на другой бок?

Она кивает и протягивает руки.

Ненавижу себя. Особенно после того, как целый час рас-

сказывал, что значило для меня влюбиться в Лайлу. Как вспомнил ужас, охвативший меня, когда я увидел девушку на полу гостиной...

А в следующий час предстоит рассказать, что происходило *после*. Больница, долгое выздоровление. Как это отразилось на нашей личной жизни. Месяцы, прожитые с чувством вины. Предательство, ложь. Как я манипулировал Лайлой... *Нет, лучше об этом не думать.*

– Попробуй поспать.

На этот раз она кивает молча. Наверное, совсем обессиленна.

Иду вниз, однако детектива на кухне нет. Нахожу его в Большом Зале – он сидит на банкетке за роялем. Магнитофон принес с собой.

– Решил немного сменить декорации, – говорит он и нажимает кнопку записи. Я присаживаюсь на ближайший к нему краешек дивана. – Что произошло с вами после нападения?

– Я набрал девять-один-один. Поддерживал жизнь в Лайле, пока не приехала «скорая». Потом мы оба оказались на операционном столе.

– А далее?

Я рассказываю ему все, что помню – а помню я не так много. Как пришел в себя после наркоза, не зная, что с Лайлой. Как провел три часа в палате и мне ничего не говорили о ее состоянии. Как страшно было звонить ее матери и сест-

ре, чтобы сообщить о несчастье. Как потом меня два часа допрашивали полицейские, а я все еще сомневался, что она выживет.

Я рассказываю ему все, что могу вспомнить о пребывании в больнице, хотя это не настолько важно. Ни во время лечения, ни в ходе выздоровления не случилось даже приблизительно ничего похожего на то, что начало происходить после нашего возвращения в гостиницу.

– А почему вы вообще решили сюда вернуться?

– Хотелось увезти Лайлу из Теннесси. Как только врачи разрешили, я подумал, что было бы неплохо куда-нибудь съездить. К тому же я знал, как ей здесь нравится. – Я делаю паузу и поправляю себя: – То есть... как ей *раньше* здесь нравилось.

– И когда же ей здесь разонравилось?

– Полагаю, в день нашего приезда.

Сегодня утром я съел прядь волос Лайлы.

В голове вертится мысль – вдруг такой дикий поступок, как поедание волос своей девушки, всего лишь первый звонок, а затем я начну вести себя еще более странно? Вдруг это предвестник каннибализма – наподобие того, как человек, который в детстве мучил животных, порой становится серийным убийцей?

Однако поедание волос было не чем иным, как последним и отчаянным усилием с моей стороны попытаться снять с себя вину. Я возомнил, будто бы этот обряд каким-то образом соединит нас крепкими узами, избавит от страха, что из-за случившегося в тот злосчастный вечер мы однажды можем расстаться. Проснувшись, я вырвал у Лайлы несколько волосков и...

Это было восемь часов назад. Теперь кажется, что волоски каким-то образом сумели обвиться вокруг моего сердца и перекрывают подачу крови.

Мое сердце задыхается.

Кстати, неплохая стихотворная строка.

Мы стоим в очереди на посадку. Я извлекаю из кармана телефон, открываю приложение «заметки», куда заношу случайные мысли, и добавляю к ним очередную мрачную сентенцию: «Сердце задыхается от чувства вины».

В последнее время моя лирика приобрела реально депрессивный оттенок.

– Лидс...

Лайла осторожно подталкивает меня сзади – я задерживаю очередь. Я опускаю телефон в карман и высматриваю наши места.

Я не стал брать в дорогу много вещей. Две пары джинсов, несколько шорт и футболок, а еще обручальное кольцо.

Кольцо я упрятал в носок, а носок запихнул в кроссовки. У Лайлы отдельный чемодан; копаться в моем ей ни к чему. Однако все же не хочется, чтобы она его нашла. Я купил кольцо, когда она еще лежала в больнице. Конечно, это было преждевременно, однако меня мучил страх перед неизвестностью. И я решил, что покупка кольца направит во вселенную дополнительный импульс и Лайла скорее поправится.

Выздоровление и правда шло быстрее, чем ожидалось, тем не менее предложения я пока не сделал. Лайла еще не знает о кольце. Я до сих пор не решил, когда отважусь на этот шаг, – хочу, чтобы все вышло идеально. Может, во время поездки случай и не представится; однако лучше иметь кольцо при себе и не воспользоваться им, чем наоборот.

Я решил отправиться в эту поездку, потому что последние полгода стали настоящим кошмаром. Они опустошили нас эмоционально и физически. Надеюсь, возвращение в те места, где мы с Лайлой познакомились, поспособствует своего рода перезагрузке. Меня преследует навязчивая идея: если

мы вернемся на старт, значит, никогда не пересечем финишную черту.

Вот и еще одна тема для стихотворения.

Мужчина впереди меня с усилием пытается впихнуть свой раздутый чемодан на полку для ручной клади, так что я останавливаюсь и, пользуясь случаем, сохраняю в телефоне слегка видоизмененную версию фразы: *«Я снова возвращаюсь на старт, потому что не хочу, чтобы мы с тобой добрались до финиша».*

Лайле пришлось пройти намного более интенсивный курс лечения, чем мне. Целую неделю она была на волосок от смерти. И даже после того, как состояние наконец стабилизировалось, провела в больнице еще месяц.

Я каждый день казню себя за то, что не принял достаточных мер безопасности против «чокнутой Сэйбл». Казню себя, что счел хорошей идеей выложить в соцсетях фото Лайлы и не подумал об определенном рода последствиях. Чертов интернет! Я должен был предвидеть, что каждый пост провоцирует на ответную реакцию.

Мы отчаянно нуждаемся в этой поездке. Мы жаждем уединения. Никаких связей с внешним миром. Я хочу начать все заново. Только мы вдвоем; дверь спальни заперта на замок; лежим и болтаем обо всем на свете, отдыхая после упорного секса.

Я устраиваю вещи Лайлы на полку для ручной клади. У нас места 4А и 4Б, последний ряд в первом классе. Лайла

садится у окна. Она против обыкновения молчалива. А значит, испытывает тревожность.

Я до сих пор не сказал ей, куда мы летим. Решил сделать сюрприз. Хотя и неизвестность вполне может стать причиной тревоги. Эх, что ж я раньше не подумал?

Сажусь и пристегиваю ремень. Лайла закрывает шторку.
– Как думаешь, куда мы направляемся? У тебя есть догадки?

– Мы летим в Небраску. А вот что там в Небраске, мне неизвестно.

– Собственно в Небраске мы не останемся. Это всего лишь ближайший аэропорт от того места, куда мы едем.

Намек вполне прозрачный, вот только Лайла, похоже, на него не купилась. Она берет одну из бутылочек с водой, стоящих между нашими сиденьями, и открывает ее.

– Надеюсь, там можно расслабиться. Меня сейчас совсем не тянет на приключения.

Я стараюсь не рассмеяться. Чего она ожидала? Что я потащу ее лазить по скалам или сплавляться по реке – после полугода лечения?

Лайле пришлось перенести слишком много. Я окружил ее сверхзаботой, и наша жизнь, хотя и медленно, входит в привычную колею. Любому человеку трудно восстановиться после подобных событий и немедленно обрести прежнего себя, бодрого и счастливого. Есть еще много проблем, но я уверен – постепенно все наладится.

Лайла ставит сумочку под сиденье, предварительно достав из нее телефон.

– Надо запостить твоё фото на борту.

Я приклеиваю на лицо улыбку, однако Лайла мотает головой. Ладно, улыбку уберем. Лайла делает снимок и открывает его для редактирования.

После всего, что мы пережили, трудно не относиться к самой мысли о славе с некоторой горечью. Если бы не соцсети, Лайла не пострадала бы.

Она заканчивает редактирование, показывает мне результат, и я, как всегда, соглашаюсь. Честно говоря, меня не заботит, что она выкладывает. Поэтому, взглянув на фото, я киваю, но когда вижу хештеги, издаю стон. *#Исполнитель #Композитор #ЛидсГэбриел #ЛидерМнений.*

– Лидер мнений? Лайла, ты серьёзно? Я пытаюсь добиться славы как музыкант или как инфлюенсер?

– В наше время первое невозможно без второго. – Она отправляет фото в Сеть. Вместе с хештегами.

– Раньше говорили, что смерть для несчастных музыкантов – Эм-ти-ви, – бормочу я. – Но до инстаграма им далеко. Вот кто теперь приходит в образе девушки с косой.

– Радуйся, что у тебя внешность привлекательная. – Лайла целует меня и убирает телефон в сумочку.

Я перевожу сотовый в полётный режим и пристраиваю его впереди, в кармашек сиденья. Страшно подумать, сколько ещё снимков сделает сегодня Лайла, прежде чем моя голова

коснется подушки! Знаю, я должен быть благодарен – она хочет, чтобы я добился успеха. Только боюсь, что успеха я добиваюсь грязными методами. Наша история попала на первые страницы газет, и в Нэшвилле о ней не говорил только ленивый, что привело к некоторому увеличению продаж моей музыки и значительному увеличению числа подписчиков – теперь их более десяти тысяч. Однако я не могу отделаться от ощущения, что делаю бизнес на крови Лайлы.

Самолет разгоняется, и Лайла начинает нервно теребить подол платья. Обе бутылочки воды она уже прикончила.

Тот выстрел сильно ее изменил. Да и меня тоже.

И в том, что у нее отобрали месяцы жизни и оставили с тревожностью, зависимостью от лекарств, ночными кошмарами, паническими атаками и провалами в памяти, виноват я. Той беззаботной и жизнерадостной Лайлы, в которую я влюбился, больше нет. Рядом со мной сидит девушка, которая изо всех сил старается не сорваться в безумие.

Словно вся ее жизнестойкость похоронена под оставшимися после ранения шрамами.

Может, именно по этой причине, пока Лайла выздоравливала, я фактически назначил ее на должность своего менеджера. И я выполняю все, что она требует, потому что моя карьера является для нее целью в жизни и вытесняет из головы мысли о случившейся трагедии.

У Лайлы неплохо получается: она направляет причину наших бед в позитивное русло. Ведь пострадало все, что не ка-

сается моей карьеры. Лайла говорит, хорошо, что у нас есть хоть немного позитива – есть за что держаться. Не хочется ее разубеждать, однако я в некотором смысле скучаю по тем дням, когда она не относилась серьезно к моей карьере. По тем дням, когда она уговаривала меня покинуть группу ради своего собственного счастья. Когда вырывала из рук гитару, чтобы залезть на меня, и когда ее совсем не заботило, что я выкладываю в инстаграм.

Однако больше всего мне не хватает того ощущения, что рядом с Лайлой я был собой. Кажется, в последнее время я начинаю удаляться от того, каким я был, – ради того, чтобы стать человеком, который ей сейчас нужен.

– Табло «Пристегните ремни» еще не выключили? – спрашивает Лайла. Она зарылась лицом в рукав моей рубашки и накрепко вцепилась в плечо. Честно говоря, я и не заметил, как мы взлетели. Живу своими мыслями больше, чем реальностью.

– Пока нет.

Похоже, Лайла сильно нервничает – даже не в состоянии поднять глаза и посмотреть на табло. Я провожу ладонью по ее голове и касаюсь губами волос. Скрыть тревожность нелегко, как бы Лайла ни старалась. Это сразу становится заметно по ее поведению: как она теребит край платья, как напряжена ее нижняя челюсть, даже как озирается по сторонам, когда мы находимся на людях, – словно ожидает, что кто-то выскочит из-за угла и набросится.

Табло отключилось, по салону можно передвигаться. Лайла наконец отлипает от меня, поднимает шторку и смотрит на облака, рассеянно подносит руку к шраму на голове. Она постоянно его трогает. Тот вечер не сохранился у нее в памяти. Она знает лишь то, что я рассказывал ей, но сама спрашивает редко. Если быть точнее, никогда не спрашивает.

Лайла подергивает коленями. Ерзает на сиденье и бросает взгляд назад, в экономический класс. Глаза как блюдца. Кажется, она на грани.

Только за последний месяц Лайла пережила две полноценные панические атаки. Обе начинались так же: рука тянется к шраму, пальцы дрожат, в глазах ужас, дыхание прерывистое.

– Ты справляешься?

Кивает, однако зрительный контакт со мной не поддерживает. Делает несколько медленных, бесшумных выдохов, словно стараясь не показывать, чего ей стоит сохранять спокойствие.

Закрывает глаза и откидывается назад.

– Мне нужны таблетки, – шепчет она.

Так и есть – начинается приступ. Нашариваю на полу ее сумочку, ищу таблетки от тревожности, однако не нахожу. Только кошелек, жвачка, рулончик бинта.

– Может, ты их в багаж положила?

– Черт, – бормочет она, не разжимая век. Вцепляется в

подлокотники, морщась, как от боли. Я раньше не представлял, что значит испытать приступ тревожности. На прошлой неделе Лайла пыталась объяснить: «Кажется, что кровь во всем теле начинает вибрировать».

До того момента я всегда считал тревожность лишь крайней степенью беспокойства. Но она описала это как подлинное физическое ощущение – словно все тело пронизывает электрический разряд. Тогда я сжал Лайлу в объятиях, осознавая свою беспомощность. И с тех пор, когда у нее случается приступ, чувствую себя бесполезным. Вот почему я готов из кожи вылезти, чтобы ей стало лучше.

А сейчас ей плохо.

– Хочешь, пройдем в туалет и там переждем?

Лайла кивает. Я беру ее за руку и помогаю встать. У двери туалета поворачиваюсь к стюардессе:

– У девушки паническая атака. Я должен зайти с ней вместе.

Стюардесса бросает сочувственный взгляд на Лайлу и задергивает занавес, чтобы туалет не был виден из салона первого класса.

В туалете настолько тесно, что нам двоим не повернуться. Я обнимаю Лайлу за талию и прижимаю ее лицо к своей груди. Свободной рукой отрываю бумажное полотенце и, намочив его под раковиной, прикладываю к затылку Лайлы.

На прошлой неделе она призналась, что мои руки для нее лучше любого теплого одеяла. Не знаю, как к этому и отне-

стись. Выходит, кроме меня, никто и ничто не может облегчить ее состояния? Лучше бы она научилась справляться сама. Я не могу всегда быть рядом и переживаю – вдруг случится приступ, а она одна?

Удерживаю Лайлу еще несколько секунд, ощущая, как дрожит ее тело.

– Сказать, куда мы едем? Может, твоя тревожность от неизвестности?

Она качает головой.

– Не хочу испортить твой сюрприз.

– Я все равно собирался сознаться после взлета. – Отрываю лицо девушки от своей груди, чтобы видеть ее реакцию. – Мы направляемся в «Корасон дель Пайс». Я забронировал гостиницу на две недели.

Никакой реакции. Лишь спустя несколько секунд Лайла смущенно переспрашивает:

– *Куда?*

Пытаюсь скрыть замешательство. Однако это далеко не впервые. Лайла с трудом извлекает из памяти вещи, которые должна вспоминать с лету, не задумываясь! Хотя врач говорил, что после травмы головы это обычное дело, я всякий раз испытываю потрясение. Как же много она потеряла!

Увы, у Лайлы поврежден мозг.

Пусть незначительно, но этого нельзя не заметить. Особенно когда ей требуется несколько минут, чтобы вспомнить то, что для меня – и для нас обоих – имело огромное зна-

чение. Я не принимаю это на свой счет, однако до сих пор чувствую острую боль.

– Гостиница. Номер плюс завтрак.

По лицу пробегает тень узнавания.

– Ах да! Свадьба Аспен. Жуткий «Гарретт-бэнд». – В ее глазах мелькает искра. – *Завтрак.*

– Собственно говоря, это уже не гостиница. Три месяца назад ее закрыли и выставили на продажу. Я написал риелтору по электронной почте и спросил, можно ли снять дом на пару недель.

– Весь дом будет в нашем распоряжении?

– Да, – киваю я. – Только ты и я.

– А как насчет готовки и уборки?

– Услуги больше не предоставляются, так что готовить будем сами. Я уже заказал доставку продуктов. – Вижу, что приступ несильный и Лайла старается справиться с ним, поэтому продолжаю ее отвлекать. – Аспен и Чед хотят приехать в гости с ночевкой, скорее всего в пятницу. От Уичито всего пара часов езды.

Она кивает и прижимается щекой к моей рубашке.

– Будет чудесно.

Я не отпускаю ее еще несколько минут. Постепенно дрожь прекращается.

– Тебе лучше?

– Да.

– Отлично. – Я приглаживаю ей волосы и целую в макуш-

ку. – Нужно вернуться на свои места. А то все подумают – вот еще одна парочка вступила в «Клуб на высоте в милю».

Лайла не отпускает меня. Наоборот, запрокидывает голову. Ее ладонь сползает вниз по моей груди, к застёжке джинсов.

– Давай не обманем их ожидания.

Она встает на цыпочки, чтобы дотянуться до моих губ.

Понимаю, она думает, у меня разыгралась фантазия – и я солгу, если буду отрицать это, – но нет, не сейчас. Не сразу после того, как она перенесла паническую атаку.

Я беру ее лицо в руки.

– Не здесь. Ладно?

– Мы по-быстрому! – несколько разочарованно настаивает она.

– Вечером.

Делаю шаг в сторону и открываю дверь.

– Я сначала в туалет схожу, – слабым голосом говорит Лайла, глядя на меня с немим упреком. Я возвращаюсь на место. Отказал ей и теперь чувствую себя полным негодяем.

Но я не хочу быть пластырем для ее ран. Я должен стать тем, кто помогает им затянуться.

– Долго еще? – спрашивает Лайла. Это ее первые слова после того, как мы сели в арендованную машину. Заснула, едва выехали из терминала аэропорта.

– Минут двадцать.

Она потягивается и издает стон, который заставляет меня заерзать на сиденье. С той самой минуты, когда я вышел из туалета самолета, сожалею, что не нагнул девушку над раковиной. Прежний Лидс обязательно принял бы ее предложение. Причем лучше дважды.

Порой кажется, что я изменился сильнее, чем Лайла. После ранения моя любовь к ней превратилась в гиперопеку. И сейчас я слишком осторожно с ней обращаюсь. Осторожно разговариваю, осторожно обнимаю, осторожно целую, осторожно занимаюсь любовью.

Я включаю поворотник и сворачиваю с трассы.

– Нам нужен бензин. Это последняя заправка. В туалет пойдешь?

– Нет, все в порядке, – качает головой Лайла.

Мы подъезжаем к колонке. Я вставляю пистолет в бак и открываю пассажирскую дверь. Лайла смотрит на меня, прикрывая глаза от закатного солнца. Хватаю ее за руку и вытаскиваю наружу.

Прислонив девушку к машине, заключаю в объятия и поглаживаю по голове.

– Прости.

Сказать мне больше нечего. Не знаю, огорчил ли ее мой отказ или она даже не понимает, за что я извиняюсь, но она прижимается ко мне сильнее.

– Все нормально. Ты не обязан хотеть меня каждую секунду.

Ветер бросает волосы ей в лицо, я отвожу их назад, и в

этот момент пальцы чувствуют, что пряди как-то странно слиплись. Наклоняюсь и изучаю голову, хотя Лайла и пытается выскользнуть. В темных волосах трудно разглядеть кровь, однако кончики моих пальцев покраснели.

– У тебя идет кровь.

– Да ты что? – Она прижимает ладонь к голове, прямо над ранкой.

Пистолет щелкает, я отпускаю Лайлу и вынимаю его из бака.

– Иди к туалету и жди меня. Отгоню машину и приду.

Припарковавшись, я исследую полки с товарами и нахожу небольшую аптечку. Мы с Лайлой встречаемся у женского туалета. Там всего одна кабинка, так что я захожу вместе с Лайлой и запираю дверь. Лайла склоняется над раковиной. Я достаю из аптечки ватную подушечку и перекись водорода. Сначала очищаю волосы от засохшей крови, затем обрабатываю ранку.

– Ты обо что-то ударилась?

– Нет.

– Тогда дело плохо. – Надо принимать меры. Уже полгода прошло, но раз в несколько недель рана открывается. – Пожалуй, следует показаться врачу.

– Мне не больно, – возражает она. – Все заживет. Я в порядке.

Я заканчиваю очищать ранку и наношу антисептическую мазь. Не стоит допытываться, почему так происходит. Лайла

все равно не сознается, хотя я и видел, как она расковыривает рану.

Лайла идет в кабинку; я тем временем выбрасываю мусор и закрываю аптечку. Затем она возвращается и моет руки. Я прислоняюсь к двери и наблюдаю за Лайлой в зеркале.

А что, если именно я часть проблемы? Ведь я обращаюсь с ней не так, как прежде. Вдруг моя нерешительность отображает ее назад?

Мы много занимаемся любовью, но совсем по-другому. В первые месяцы мы испробовали все, что делает секс великолепным. Я был нежен и ласков, случалось, становился грубым и необузданным, а порой и все сразу. Я не обращался с ней как с хрупкой статуэткой. Я обращался с ней как будто она сделана из закаленной стали.

Может, нужно вести себя как с прежней Лайлой, которой она вновь стремится стать? Та Лайла была сильной и незакомплексованной — пока у нее все это жестоко не отобрали.

Она наблюдает в зеркале, как я ставлю аптечку на раковину. Наши глаза смотрят на отражения друг друга, а я тем временем задираю подол платья и медленно просовываю руку между ее бедер. Затем подцепляю пальцем трусики и рывком сдергиваю их вниз. Отражение Лайлы сглатывает комок в горле.

Правую руку я кладу девушке на затылок и наклоняю ее вперед, а сам расстегиваю джинсы.

Впервые за полгода я с ней не церемонюсь.

Набираю полученный от риелтора код. Кованые стальные ворота раздвигаются, неуверенно покачиваясь, словно с трудом помнят, как это делается. За ними открывается посыпанная гравием подъездная дорожка.

Гостиница – старый двухэтажный особняк в викторианском стиле – расположена на участке в несколько акров, густо засаженном деревьями. Белоснежные стены, красная парадная дверь и, насколько я помню, шесть спален наверху плюс пара внизу.

На первый взгляд, все выглядит так же, как в прошлом году, разве что безлюдно. На парковке ни одной машины, на дорожках ни одного постояльца. В тот раз здесь царила суматоха – готовились к свадьбе Аспен и Чед. Тогда царил разгар лета – зеленая трава, подстриженные лужайки...

Сейчас все пребывает в состоянии неопределенности, ожидая, пока весна вдохнет жизнь в то, что умертвила зима.

– Здесь ничего не изменилось, – говорю я, паркуя машину. Хотя на самом деле это совершенно не так. Все выглядит... покинутым.

Лайла не отвечает.

Я открываю водительскую дверь и сразу замечаю: в воздухе висит пустота. Ни звуков, ни запахов, ни щебета птиц. Полная тишина. И мне это нравится. Какая отличная идея –

снова отправиться вместе с Лайлой в сердце страны! Пусть даже с полной изоляцией в качестве бонуса.

Мы достаем вещи из багажника. Я затаскиваю чемоданы на веранду, а Лайла набирает код на двери, тоже полученный от риелтора.

Я вхожу в дом первым и сразу же чувствую – запах изменился. Не помню, чтобы в прошлом году на свадьбе пахло нафталином. Надеюсь, ароматические свечи здесь найдутся?

Лайла переступает порог, в тот же миг вздрагивает и опирается рукой о стену, словно пытаясь удержаться на ногах.

– Что с тобой?

– Все нормально. Просто... – Она на секунду прикрывает глаза. – Здесь холодно. И голова болит. Я бы не отказалась вздремнуть.

В доме не холодно. Скорее душно. Однако руки Лайлы покрыты мурашками.

– Пойду поищу термостат. Чемодан оставь, я потом принесу его в нашу прежнюю комнату. – Я направляюсь в кухню. Термостата там не нахожу, зато с облегчением вижу, что риелтор привезла продукты.

Я вовсе не был уверен, что нам разрешат здесь пожить, и намекнул, что рассматриваю возможность покупки дома и хотел бы устроить пробный заезд. Хотя Лайле не признался. Хотелось сначала убедиться – понравится ли нам так же, как в первый раз.

Судя по Лайле, она не испытывает желания поселиться в

этом доме. Если уж на то пошло, она скорее готова сбежать.

В поисках термостата я перехожу в Большой Зал и с радостью вижу – кабинетный рояль на месте. Крышка закрыта, на ней толстый слой пыли. Печально. Такой превосходный инструмент заслуживает, чтобы на нем играли. А судя по всему, после меня к нему никто не прикасался.

Провожу пальцем по роялю, оставляя пыльный след. Узнав, что гостиница стоит пустая, я не знал, чего ожидать. Опасался, что владельцы вывезли рояль. Однако вся мебель на месте.

Лайла полагает, что у нас скорее рабочая поездка, чем отдых. Я должен дописать альбом и планирую использовать рояль по полной программе.

Термостата нет и в Большом Зале.

Тем временем Лайла заглядывает в одну из комнат, затем идет дальше и приоткрывает дверь в следующую. Она выглядит озадаченной, словно не может вспомнить, какая из комнат наша.

– Это наверно, Лайла.

Она вздрагивает и оборачивается.

– Знаю. – Затем указывает на очередную дверь и направляется туда. – Я просто... хочу сначала найти туалет.

Она проскальзывает в ванную и запирается изнутри.

А ведь она посещала туалет на заправке, двадцать минут назад...

Боюсь, провалы в ее памяти серьезнее, чем она признает.

Я уже подумываю устроить ей проверку и завести разговор о событии, которого не было, – вдруг она заявит, что якобы помнит его?

Хотя это будет предательством. А я и так виноват перед ней.

Из ванной доносится шум спускаемой воды. Я наконец обнаруживаю термостат – у самой лестницы. Он показывает двадцать два градуса. Больше вроде бы и не надо, однако я немного прибавляю – чтобы Лайла избавилась от чувства холода. Далее перехожу в гостиную – нужно изучить те помещения, в которых я еще ни разу не был.

Атмосфера там недружелюбная – словно комната совсем не предназначена для проживания. Кремовый диванчик и канапе из одного гарнитура повернуты к камину. Обитый коричневого кожей стул стоит у заваленного книгами стола.

В гостиной всего одно окно, да еще и шторы задернуты; здесь царит полумрак. В прошлый приезд я несколько раз пробегал мимо, но внутрь не заходил. Там всегда толпились люди; теперь вместо их фигур бродят лишь тени. Я не смогу полюбить эту комнату так же, как люблю Большой Зал. Может, потому, что именно в нем мы с Лайлой обрели друг друга и он стал нашей историей?

Если мы все же купим дом, первым делом разгромлю гостиную. Снесу часть стены, добавлю еще несколько окон, обставлю мебелью, на которую Лайла может проливать завтрак из хлопьев или красное вино.

Я сделаю комнату пригодной для проживания.

После того как Лайла выписалась из больницы, мы нигде не чувствовали себя дома. Возвращаться в квартиру во Франклине по понятной причине не хотели. Но мне казалось неправильным переезжать куда-то, не выслушав мнение Лайлы, и я снял временную квартиру поближе к больнице, куда и перевез ее после выписки, не торопясь покупать постоянное жилье. Франклин не подойдет. Нэшвилл тоже.

Я пересмотрел множество вариантов, и ни один меня не зацепил. Пока не увидел, что на продажу выставлена та гостиница.

Есть в ней что-то притягательное. Может, потому, что здесь я встретил Лайлу. Может, жить в самом сердце страны каким-то образом мотивирует. Или потому, что дорога от Нэшвилла сюда занимает целый день, а мне хочется быть от него подальше.

Так или иначе, я сюда не бездельничать приехал. Я хочу найти время сосредоточиться на музыке и хочу, чтобы Лайла отдохнула и успокоилась. По-моему, это самое подходящее место. Уединение – вот что нам нужно. Лайла будет чувствовать себя в безопасности.

В этот миг я слышу крик, резко оборачиваюсь и стремглав несусь в ванную. Доносится звон разбитого стекла.

– Лайла! – Распахиваю дверь. Глаза девушки округлились от ужаса. Я хватаю ее руку и сразу замечаю кровь на костяшках пальцев. Раковина усеяна осколками. Поднимаю глаза и

вижу, что зеркало разбито. Словно кто-то ударил кулаком в его центр. – Что случилось?

Лайла трясет головой и переводит глаза с зеркала на осколки в раковине.

– Я... Я не знаю. Хотела помыть руки, а оно разбилось.

В зеркале характерная вмятина, как будто кто-то с силой по нему треснул. Не могу представить, зачем Лайле потребовалось его разбивать. А может, оно треснуло до нашего приезда? И стоило чуть дотронуться, чтобы посыпались осколки...

– Я сбегая в машину за аптечкой.

Когда я возвращаюсь, Лайла сидит на кухне. В очередной раз обрабатываю ей раны. Вопросов не задаю. Она расстроена, руки дрожат. Закончив, я беру аптечку и один из чемоданов.

– О зеркале напишу риелтору. Ничего страшного, могло быть хуже.

Лайла берет второй чемодан и поднимается следом за мной. Она явно напугана случившимся.

В конце концов, хватит относиться к ней так, словно она сама не может о себе позаботиться! Еще как может. Она сильная. Она потрясающая. Просто забыла об этом. И я заставляю ее вспомнить.

Если бы я не задался целью быть музыкантом, я стал бы шеф-поваром.

В процессе приготовления пищи есть что-то успокаивающее. Я никогда этим особо не занимался, пока Лайла не попала в больницу. Когда мы начали жить вместе, она меня кое-чему научила, но после ранения напрягать ее показалось неудобным, и я взял готовку на себя. Секреты приготовления супа я постиг в совершенстве, в основном потому, что в процессе выздоровления Лайла ничего другого и не ела.

Сейчас она наверху, распаковывает вещи. Я предусмотрительно сам достал свои кроссовки и положил в шкаф, чтобы Лайле на глаза не попалось кольцо, а теперь занимаюсь ужином. Нужно положить успешное начало нашему отдыху, поэтому я выбрал «паста фаджоли» – итальянский фасолевый суп с пастой. Любимое блюдо Лайлы.

После выписки Лайлы из больницы я многому научился. В основном у ее мамы, Гейл. Первые несколько недель она оставалась у нас. Хотела забрать дочь с собой в Чикаго, но, к счастью, Лайла отказалась. И я не хотел ее отпускать. Считал своим долгом помочь ей восстановиться – ведь будь я более предусмотрительным, несчастья бы не случилось.

Да и самому мне требовалось адаптироваться к новым условиям. Наше знакомство продолжалось всего два месяца,

а затем Лайла месяц провела в больнице. Сразу после в нашу и без того тесную квартиру временно переехала ее мама. Ситуация резко изменилась: совсем недавно я, взрослый человек, жил один, а теперь, по прошествии менее трех месяцев, разделяю жилье со своей девушкой, ее матерью и иногда с сестрой. В съемной квартире всего одна спальня, так что диван всегда был оккупирован, а остальную часть гостиной частенько занимал надувной матрас.

Наконец Гейл вернулась в Чикаго! Не то чтобы она мне не нравилась, просто я понял – с нас хватит. После всего пережитого мы, по сути, не имели личного пространства, и я просто затосковал по нормальной жизни. Мы оба затосковали.

С другой стороны, познакомившись с семьей Лайлы, я быстро понял, почему в нее влюбился. Ее родственники оказались харизматичными, открытыми людьми. Я, черт возьми, на их фоне нечто вроде Чеда Кайла. После свадьбы я видел его всего один раз и теперь согласен с Лайлой – этот парень тот еще балбес, однако забавный.

Почти с нетерпением жду их приезда в пятницу.

Сложив в кастрюлю все ингредиенты, я вытираю руки кухонным полотенцем и бегу наверх посмотреть, как дела у Лайлы. Она разбирала вещи, когда я решил заняться ужином, но прошло уже более получаса, а со второго этажа не доносится ни звука. Даже шагов не слышно.

Открываю дверь. Открытые чемоданы так и стоят нераспакованными. А Лайла легонько похрапывает.

День выдался тяжелым. Это ее первая дальняя поездка после больницы. Представляю, как она устала. И, стараясь не шуметь, я сам начинаю разбирать чемоданы.

Время от времени бросаю взгляд на Лайлу и возвращаюсь в дни, которые мы здесь провели. Каждая секунда с Лайлой ощущалась как пробуждение. Словно до встречи с ней я жил с закрытыми глазами.

Я был слепым, а теперь прозрел.

Все бы отдал за то, чтобы вновь обрести чувство защищенности, которое у нас так жестоко отобрали! Во Франклине нам жилось спокойно. Лайла засыпала без труда и не оглядывалась через плечо всякий раз, когда мы выходили на улицу.

Я подхожу к кровати, провожу ладонью по волосам Лайлы и осторожно заправляю за ухо выпавшую прядку. В больнице Лайле выбривали волосы вокруг раны, и теперь она причесывается так, чтобы закрыть этот участок. Я отвожу локоны в сторону и смотрю на шрам.

Знаю, Лайла ненавидит шрам и делает все, чтобы его спрятать, но порой, когда она засыпает, я смотрю на него и вспоминаю, как едва не потерял свою любимую.

Лайла едва заметно вздрагивает, и я отдергиваю руку. В этот момент в комнату проникает запах гари. Я в недоумении поворачиваюсь к двери. Суп никак не мог подгореть за такое короткое время! И десяти минут не прошло, как я включил плиту.

Выскакиваю на лестничную площадку и вижу, как из кухни валят клубы дыма.

Едва я начинаю спускаться, как раздается грохот.

Настолько громкий, что кажется, будто меня в грудь ударили.

Стремительно сбегая по лестнице и врываюсь на кухню. Суп везде – на плите, на полу, на стенах. Отмахиваясь от дыма, пытаюсь сообразить, что спасать в первую очередь.

Однако ничего не горит. Только чад висит в воздухе, и вся кухня уделана.

Я в шоке озираюсь вокруг. Прибегает Лайла и наступает прямо в лужу.

– Что случилось?

Нужно выключить плиту! Однако, взявшись за ручку, я замечаю, что пламя не горит. Переключатель в положении «закрыто».

У меня опускаются руки. Я перевожу взгляд с горелки на кастрюлю, валяющуюся в другом углу.

– А почему раковина переполнена? – спрашивает Лайла.

Из мойки льется вода. Не помню, чтобы я оставил кран открытым... Подбегаю ближе и замечаю что-то на дне раковины.

Какая-то обгорелая тряпка.

То самое полотенце, которым я вытер руки, прежде чем подняться наверх!

Оно почти обуглилось. Совершенно очевидно, что загоре-

лось полотенце. Но как оно попало в раковину? Кто открыл воду и выключил плиту?

Кто опрокинул кастрюлю с супом?

Бросаюсь к входной двери. Она заперта изнутри!

– Что ты делаешь? – Лайла начинает нервничать.

Знаю, в доме есть задняя дверь, однако если кто-то снял кастрюлю с плиты и бросил на пол, пока я спускался по лестнице, я не мог его не заметить. Из кухни только один выход.

Возвращаюсь в кухню и проверяю окно. Оно также закрыто изнутри на задвижку.

– Лидс, ты меня пугаешь.

Я качаю головой.

– Все нормально, Лайла. – Не хочу ее волновать. Если она поймет, что я сам не могу объяснить произошедшее, то лишь начнет нервничать. – Я оставил полотенце на плите. Оно загорелось. Хотел быстро схватить его и случайно опрокинул суп. – Я провожу ладонями по ее плечам. – Прости. Я все уберу.

– Давай помогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.